

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru, +7 909 6 777 974

ПЕТЕРБУРГ

АЛЕКСАНДРА – 78 лет
САША – 58 лет
АНЯ – 40 лет
ФЕДЯ – 20 лет
ДАНЯ – 30 лет
МАТВЕЙ – 20 лет
АЛИСА – 20 лет
СЛЕДОВАТЕЛЬ – 50 лет
АНЖЕЛА – 58 лет
ИЛЬЯ – 76 лет

1.

Квартира Ани выглядит старомодно и неухоженно: три стены заняты шкапами, плотно забитыми книгами, на окнах тяжёлые шторы, массивный письменный стол в углу – всё пространство пыльное, заваленное грязной посудой и скомканными салфетками, ношеной одеждой, кучками неглаженного постельного белья. У окна большая кадка с каким-то высоким до потока деревом, за которым никто не ухаживает и даже редко поливает. На большом диване валяются Аня и Федя, они едят мороженое. Аня прихлёбывает вино прямо из бутылки, Федя читает с планшета.

ФЕДЯ. Медный всадник внезапно осознал, что он бронзовый. То есть, другими словами, медно-оловянный. И что по нынешним временам он как-то слишком патетичен – в этой шторе и с этой вытянутой рукой. Нет самоиронии, нет даже тени улыбки. Опять же, этот постамент – теперь памятники стоят на одном уровне с людьми, всё демократично, каждый может подойти, обнять, сделать селфи. Зачем ставить себя выше других, надувать щёки? Теперь модно иметь адекватную самооценку, не выпендриваться. Ты не лучше и не хуже других, ты как все. Медный всадник соскочил с коня, оставив его со змеей, спрыгнул с камня. Улыбнулся, опустил руку – это было непривычно, туго. Венок с головы и хламиду свою скинул, остался голый. Втянул живот (проклятый француз мог бы сделать стройнее). Спустился к Неве, сел на камешек, опустил ноги в воду, да так и замер. Хорошо. «Пётр первый проверяет, нет ли наводнения» - подумал он.

АНЯ. Пётр молодец.

ФЕДЯ. Ну вот что, ребята, меня достало уже столько лет стоять в обороне, - сказала Екатерина вторая.

АНЯ. Ха-ха, это возле Александринки которая что ли?

ФЕДЯ. Она. «Мне надоело столько лет стоять в обороне. Эти уроды без конца воруют нашу бронзу». «Да, - подтвердил Суворов, - То шпагу украдут, то у Потёмкина свиток». «И у меня свиток», - вставил Румянцев. «И у Румянцева». «А у меня цепь и орден, - продолжала Екатерина, - Один раз пьяные матросы в тельняшку одели, прямо поверх шубы. На царицу тельняшку. Бутылки регулярно бросают, даже в лицо, я вся в стеклянной зелёной пыли». «Варвары,

грядущие хамы,» - заметил Безбородко. «Грядущие хамы? Это Мережковский сказал?» – спросила Екатерина. «Он самый, - подтвердил Безбородко, - я сам своими бронзовыми ушами слышал, как он кому-то рассказывал вот здесь, и мне в глаза посмотрел этак». «Ну, что делать будем, Гриша?» – спросила Екатерина Потёмкина, который только молчал да усмехался. «Расходимся, господа, - тихо сказал Потёмкин и подал руку Екатерине, - Да брось ты этот лавровый лист, Катя, что ты ей-богу как на кухне возле борща». Екатерина бросила венок и скипетр, лёгким движением скинула гранитного горностая с плеч, и вместе с Потёмкиным лёгким шагом отправилась куда-то в сторону Фонтанки. Повертевшись из стороны в сторону, подданные её решили прогуляться до Исаакия, посмотреть, что же вышло у архитекторов. Площадка опустела.

АНЯ. Опустела площадка.

ФЕДЯ. Ну как?

АНЯ. Так вторая вообще не про Петра.

ФЕДЯ. Ну да, не про Петра. Так, вдохновение накатило.

АНЯ. Так а надо было же эскиз памятника Петру, не?

ФЕДЯ. Ну да, эскиз, ну я рисовать-то не умею. Словами решил. Ну как тебе? Норм?

АНЯ. Подожди, так надо было эскиз. Это же конкурс. Патриотический. Новый памятник Петру. Что-то такое героическое, наверное. Типа, он прорубает окно, ну или бороды бреет олигархам.

ФЕДЯ. Вот это смешно да, про бороды.

АНЯ. Короче, сильный спортивный царь и всё такое.

ФЕДЯ. Нарисуй, нарисуй, мать, верю в тебя, ты выиграешь эти сто тыщ или сколько там.

АНЯ. Сто тысяч.

ФЕДЯ. Всё, Петра проехали. А теперь угадай, кто это. Литературная загадка.

АНЯ. Не угадаю.

ФЕДЯ. Аппетитная женщина, неинтересная как личность, стояла на углу дома на улице Маяковского, задрала голову. Она рассматривала портрет какого-то мужчины, нарисованный на уровне третьего, четвертого и пятого этажей. Дальше не написал, давай импровизировать.

АНЯ. А кто там у нас на Маяковского, не помню. «Кто это?» - сама себя спросила женщина шёпотом.

ФЕДЯ. «Это чудотворец, который живёт в наше время и не творит чудес», - ответила нарисованная на стене голова.

АНЯ. «Вау!» - неопределённо ответила женщина.

ФЕДЯ. Голову нарисовали, а тело нет. Чем я буду наслаждаться? А ведь раньше голый ходил по перилам.

АНЯ. Зачем?

ФЕДЯ. Во-первых, это красиво: голый молодой мужчина. Не находите?

АНЯ. Допустим.

ФЕДЯ. Во-вторых, всё равно я физиологически несовместим с остальными.

АНЯ. Вы актёр?

ФЕДЯ. Не этим зарабатывал, а так да. У вас есть какие-нибудь obsessions?

АНЯ. Obsessions?

ФЕДЯ. Или compulsions, есть?

АНЯ. Соседи всю ночь за стенкой стонали, не выспалась.

ФЕДЯ. Мы могли бы соединить мои obsessions с вашими compulsions.

АНЯ. Вы болеете?

ФЕДЯ. Плюньте в меня четыре раза.

АНЯ. Вот ещё.

ФЕДЯ. Ну плюньте, что вам стоит.

АНЯ. Я не умею плевать высоко. До третьего этажа не доплюну, тем более, до пятого.

ФЕДЯ. Четыре. Смелее. Это моя любимая цифра – четыре.

АНЯ. Тьфу, тьфу, тьфу, тьфу.

ФЕДЯ. Я был обречён, мои друзья были обречены, Ленинград был обречён. Мы выползали безногие, держась за горящие стены. А умер я от пыток и голода в начале сорок второго в психиатрической больнице в Крестах.

АНЯ. Хармс, Даниил Хармс.

ФЕДЯ. Угадала! Молодец! Теперь неси нам кофе.

АНЯ. Ты нарочно мне Даней в лицо тычешь, да? Садист. Обнаглел совсем уже. Иди купи. Кончились зёрна.

ФЕДЯ. Иди сама купи.

АНЯ. Нет денег, понятно. Ну иди возьми у мамочки. Работать не хотим, а денежки с неба не падают, ай-яй-яй. Мамочка даст денюжку сыночку маленькому.

ФЕДЯ. Мне лень, сама сбегай. И сливки купи ещё.

АНЯ. Вообще, всякой фигнёй занимаешься, зря тебя в лицее учила. Кому нужны эти все твои истории.

ФЕДЯ. Ты смеялась.

АНЯ. Просто смешливая. Федь, когда ты на работу устроишься уже?

ФЕДЯ. Я тебя тоже люблю, мам. Ну всё, чао, мне на треню.

АНЯ. Федя, я серьёзно.

ФЕДЯ. Мам, ну Даня съехал, так теперь некем заняться, да? Про сына вспомнила?

АНЯ. Федя!

ФЕДЯ. И хватит бухать, подумаешь, мужик бросил.

АНЯ. Федя!

Федя убегает.

2.

Квартира Александры рассказывает об оседлости хозяйки: видно, что живут здесь давно и никуда не переезжали. Все эти фарфоровые статуэтки, старое радио, транзистор, тарелочки и фотографии по стенам, старый буфет, какие-то пыльные бутылки и заросли зелени, уже почти дикой, под потолком и на окнах – всё как будто стало мхом, которым обросла квартира изнутри, но мхом живым, за которым присматривают. Кресло повернуто к окну, в нём сидит, запрокинув голову, Александра, Аня в медицинских перчатках, склонилась над её лицом со шприцем и делает неглубокие инъекции крошечной иглой.

АЛЕКСАНДРА. Ну, киса, ты как-то потускнела у меня вся.

АНЯ. Старею.

АЛЕКСАНДРА. Какие глупости, дорогая. Давай-ка себе вколи. Что ты там мне колешь?

АНЯ. Гиалуронку, витамины.

АЛЕКСАНДРА. Ну вот это вот себе вколи. И сразу, сразу посвежеешь!

АНЯ. Бесплезно, глаза выдают.

АЛЕКСАНДРА. Опять расстались с Даней?

АНЯ. Угу.

АЛЕКСАНДРА. Ну пятый раз за год.

АНЯ. Говорит: неженственная ты и не спортивная. Вот как так, Саш?

АЛЕКСАНДРА. Говорила тебе, носи юбочки. Волосы завивай.

АНЯ. Может, он про гибкость? Я не гибкая вообще. И сутулюсь. И несимметричная – одно плечо выше, другое ниже. И щиколотка не очень тонкая. Волосы лезут. Походка как у грузчика. Задница плоская.

АЛЕКСАНДРА. Ты же незабываемая! Уникальная! Только время не теряй. Всегда надо, знаешь, два в уме. Позвони приятелям, сходи на свидание.

АНЯ. Да каким приятелям, Саш.

АЛЕКСАНДРА. Ну с сайта знакомств. Там теперь молодёжь вся свободная. Ой, киса, ну у тебя же самый расцвет! Я в твоём возрасте не скучала. Петеньке говорю: на примерку пошла, а сама – бегу на свидание.

АНЯ. А он не догадывался, думаешь?

АЛЕКСАНДРА. Кто?

АНЯ. Дедушка.

АЛЕКСАНДРА. Да кто ж его знает. Да и он бегал, мне говорили. «Любовь одна — веселье жизни хладной».

АНЯ. Я всего Пушкина выучила, тебя слушаю.

АЛЕКСАНДРА. Это же прекрасно! Ха-ха! Чудесно! Хоть какая-то польза от бабушки.

АНЯ. Не дёргайся, пожалуйста.

АЛЕКСАНДРА. «Что занимало целый день его тоскующую лень, была наука страсти нежной»...

АНЯ. Саш, а как ты делала, что они все в тебя влюблялись?

АЛЕКСАНДРА. Мужчины? Ну я всегда весёлая, лёгкая, улыбаюсь. Они и до сих пор влюбляются, ха-ха! Тут один от экскурсии отбился – и ко мне. «Мадам, - говорит, - какое чудное мгновение! Передо мной и всё такое. Хотите коньяку?» И фляжку протягивает.

АНЯ. Как? И ты выпила? В музее?

АЛЕКСАНДРА. Конечно, не дура же я хороший коньяк пропускать. Мимолётное видение тоже может выпить. Поболтали, он теперь в Италии живёт, а был инженер наш, ленинградский. Такой холёный, в жилетке, ботинки дорогие, кудри такие седые, тугие, красавчик. «Погубили, - говорит, - Сашу нашего». Снова выпили мы, тем более я-то Александра Сергеевна – он оценил. Гений чистой красоты не совсем увял во мне, видно. Но тут эта Танька из «Раннего детства» давай заглядывать. Она всегда, стерва, на мой смех слетается. Ходит с такой кислой физиономией.

АНЯ. Не шевелись, я же колю.

АЛЕКСАНДРА. Ну да, экскурсию она двадцать лет читала – про последний день, про вот эту всю морошку мочёную. И что? Убили, да. Умер в муках. Но вся жизнь его – солнечная, он завещал нам радоваться, любить, наслаждаться!

АНЯ. Мне кажется, я разучилась.

АЛЕКСАНДРА. Киса, ну что ты, ну год назад совсем другая была, что этот мужик с тобой сделал?

АНЯ. Просто мало любит.

АЛЕКСАНДРА. Этого не может быть. Мужчина с физиологическим здоровьем, у которого всё работает, как надо, ну ты понимаешь, он не может не любить такую красавицу.

АНЯ. Иногда мне кажется, он так любит, такая странная у него любовь.

АЛЕКСАНДРА. Ну конечно, любит! И вернётся, не переживай. Приползёт ещё. А ты не кори, не спрашивай, супчику налей, котлетку ему, он и останется.

АНЯ. Ну вряд ли ты так заманивала.

АЛЕКСАНДРА. Я – нет, конечно, замужем была, только мужа кормила котлетками. Мне кажется, я им нравилась короткой памятью. Спросят – ничего не помню. Война, блокада – всё из памяти стёрлось. Только и помню, что названия духов, имена артистов да как платья шить, ха-ха!

АНЯ. Ну не смейся же, Сань, я же работаю.

АЛЕКСАНДРА. Главное, имей короткую память – и будешь людям нравиться всегда. Всякие обиды, гадости – зачем это помнить, не надо. Всё тяжёлое тянет ко дну. Легче надо быть, легче! «Всё мгновенно, всё пройдет! Что пройдет, то будет мило». Потому и осанка у меня прямая, мне всю жизнь говорили: Александра, у вас такая прямая спинка, вы как балерина. И сейчас – ну никто, никто мне семьдесят восемь не даст, ни за что. Такая попрыгунья, ха-ха!

АНЯ. А расскажи про наши эстонские корни.

АЛЕКСАНДРА. Что? Эстонские?

АНЯ. Ну, ты же эстонка наполовину. Никогда не рассказываешь.

АЛЕКСАНДРА. Ну как не рассказываю, рассказываю. Мама моя, твоя прабабка, – Эльма Яновна Пант. Ну вот.

АНЯ. Что «ну вот»? А дальше?

АЛЕКСАНДРА. Что?

АНЯ. Ну ещё, из какой она семьи? Кто у неё братья и сёстры? Где они? Почему мы не общаемся с родственниками?

АЛЕКСАНДРА. Так мама умерла рано, мне девять было. Ничего не знаю, ничего.

АНЯ. Ну что, она не рассказывала разве? Кто были её родители?

АЛЕКСАНДРА. Не знаю.

АНЯ. А братья, сёстры?

АЛЕКСАНДРА. Да не знаю я. Тогда так боялись. Мама всё время говорила: молчи. Молчи, молчи. Я и молчала. Эстонцы вообще всего боялись, никто не общался с родственниками. Это уж потом, в шестидесятые, нашла меня мамина сестра, она в Румынии уже жила. Приехала в Ленинград. Мамин брат, он тут начальником треста какого-то работал, побоялся её принять, так она к нам пришла, мы приняли.

АНЯ. Так давай разыщем всех, составим генеалогическое древо. Есть люди, им можно заплатить, и они всё узнают про родню, древо нарисуют.

АЛЕКСАНДРА. Ой, Анечка, что-то у меня голова стала болеть. Вот зачем тебе всё это? Живи настоящим, не ройся в грязном белье. Времена были трудные, каждый выживал, как мог. Бог с ним. К чему эта тяжесть?

АНЯ. Но, Саш...

АЛЕКСАНДРА. Вот я тебе скажу, как мужчинам нравиться. Во-первых, конечно, носить всё весёленькое, пёстренькое. Милые платица, воланчики, маленькие сумочки, туфельки изящные. Не эти твои хламиды свинцовые и солдатские башмаки. Я, когда на Володарке работала, нашивалась этого мрачного дерьма: все эти мужские пальто, форма, серое, синее, полувоенное. И потом, когда портной заделалась, уж я оторвалась. Главное, было найти ткань, конечно,

ткани не было, ну мы что только ни делали: и сами красили, и из простого ситца. Губки покрасишь, кудри навьёшь – кудри вьются, кудри вьются, кудри вьются у хмхм, почему они не вьются у порядочных людей? Ха-ха!

Входит Саша.

САША. Опять ерундой занимаетесь?

АНЯ. Здравствуй, папа.

АЛЕКСАНДРА. Мужчины ничего не понимают в нашем женском, ха-ха!

САША. Столько лет учиться, чтобы губы богатым дамам надувать.

АНЯ. Ты уже говорил это примерно полтора миллиона раз, папа.

АЛЕКСАНДРА. Сашенька, ну вот в кого ты такой мрачный? Назвала я тебя в честь Пушкина, а ты какой-то Лермонтов.

САША. Мама, ты бы не увлекалась всякой ерундой, в твоём возрасте. Старей благородно.

АЛЕКСАНДРА. И не собираюсь стареть. Всё, не слышу тебя, убегая, мы на выставку учеников Петрова-Водкина в Русский с Танечкой. Пока-пока!

Александра уходит.

АНЯ. Что это у тебя брови зелёные?

САША. А? Брови? Нормальные у меня брови. Демодекс лечу.

АНЯ. Интересно. Так а что ты мне не сказал, что тебя клещ мучает?

САША. Я что, сам не доктор? Слава богу, на скорой всю жизнь.

АНЯ. Так ты, может, и диагноз сам себе поставил?

САША. Я что, не врач?

АНЯ. Пап, давай тебе мазь нужную привезу, я же дерматолог.

САША. Я что, сам не знаю, чем лечить?

АНЯ. Но не этим зелёным, конечно, чем ты там мажешь?

САША. Аня, колешь своих дамочек, вот и коли, сам разберусь как-нибудь.

АНЯ. Забыл, как чуть не загнулся с описторхозом своим?

САША. Зато вылечился.

АНЯ. Это яд сильный, его в стационаре принимают, потом капельницами поддерживают. А ты сам, дома.

САША. Отстань. Вылечился и вылечился. Умер – похоронили бы, делов-то.

АНЯ. Когда мама была жива, такой модный был.

САША. И сейчас модный, отстань.

АНЯ. И с зелёными бровями не ходил.

САША. Иди домой, Аня.

АНЯ. Квартиру буду ремонтировать. Так что ты вещи заberi, какие тебе нужны. Или на дачу перевези. Всё буду менять.

САША. Ремонт? Зачем?

АНЯ. Новая жизнь.

САША. Что, замуж, наконец, берут?

АНЯ. Нет, папа, просто новая жизнь.

САША. Ты такой жизнью уже десять лет живёшь после развода. Это старая жизнь, никакая не новая.

АНЯ. В общем, завтра приезжай и забирай. А то всё выкину.

САША. Чёрствая ты, как сухарь, потому и замуж не зовут. На мать не похожа совсем. Мать любила меня и умела заботиться, да. Преданная была. Мысли угадывала. И сама как хрусталь – насквозь её видел. Ласковая и честная.

АНЯ. Выкину всё, если не заберёшь.

3.

Бар где-то на Рубинштейна, вечер, громкая музыка, много людей. Даня пьёт крепкие напитки с другом.

ДАНЯ. Смотри, история чисто питерская. Друг у меня мечтал о машине. Я такое желание вообще не понимаю, ну вообще. Пешком ходи. Если что – метро, там, автобус. Но этому приспичило, ладно. А зарабатывал мало, какой-то говно-айтишник, хата съёмная. Печаль. А мечтал об Инфинити восьмидесятой, то есть, как бы, стоимость квартиры. Ну и «не можешь идти к мечте – ползи, не можешь ползти – лежи по направлению к мечте». И решил парень осуществить, так сказать. Перестал снимать жильё – к родителям в Купчино переехал. На вторую работу устроился. Вкалывал, подработки брал. На личную жизнь забил – сэкономил. В отпуск не ездил, одежду-обувь не покупал, стригла мама машинкой. Зубы не делал, в итоге двух не хватало через три года. Нервный тик заработал, язву на дошираке, сколиоз. Родители дачу продали – добавили мальчику. А то уже тридцать пять годочков, а мечта не достигнута. Ну, прошло три года где-то. Купил. Полная комплектация, новенькая, красавица, все дела. Напился с друзьями, отметили мы. Парень реально как псих – глаза сияют, счастливый до чёртиков, обниматься лезет, мимими. Утром проснулся – машины нет. Угнали. Под окнами стояла. И в первый же вечер угнали. Не нашли ни машину, ни угонщиков, конечно. Парень спрыгнул с многоэтажки, в которой с родителями жил. Через месяц, в общем, спрыгнул. Ну всё, нет его. И вот что это тебе напоминает? М? Ну, сам сюжет? Это же, конечно, «Шинель». Типичная история Петербурга, чувствуешь? Акакий Акакиевич. Наша история. Короче, волосы на голове шевелятся. Ну у тебя не шевелятся, ты лысый. У меня пока шевелятся. Я, конечно, не хочу так. Душу свою бессмертную губить. Сейчас пока не работаю, ну и хрен с ней, работой. Так, иногда подрабатываю что-то. Вселенная избыточна. Сначала Анька кормила, теперь кто-то ещё найдётся. Живой зато.

4.

Парк. По натянутому между деревьев тросу на примерно метровой высоте ходят Матвей и Федя, ходят по очереди, иногда срываются и падают.

МАТВЕЙ. Федька, ё...

ФЕДЯ. Мот, мне нужно серьёзно с тобой поговорить.

МАТВЕЙ. Перерыв. А чё так серьёзно? Бросаешь что ли?

ФЕДЯ. Тренировки? Нет, конечно. Но мы растворяемся, Мот.

МАТВЕЙ. В смысле?

ФЕДЯ. Мы растворяемся в этой обценной лексике, друг.

МАТВЕЙ. Чё?

ФЕДЯ. Понимаешь, улица матерится. Улица больше не корчится безязыкая, она говорит, но она говорит, как корчится. Мы должны сопротивляться, друг.

МАТВЕЙ. Федь, я чё-то не понимаю, про что ты, брателло. Говори яснее, бл...

ФЕДЯ (*перебивает*). Тихо! Мы не должны материться, Мот. Единственная возможность как-то выделиться в толпе. Понимаешь?

МАТВЕЙ. В смысле?

ФЕДЯ. Нам нужно говорить языком Пушкина. Понимаешь? Александра Сергеевича. Не каким-то ужасным языком Державина, а лёгким красивым языком Пушкина, которого печатали. Потому что есть ещё другой Пушкин.

МАТВЕЙ. Опа. А не ты ли вчера сказал Вовану: зае....

ФЕДЯ (*перебивает*). Тихо! То вчера, а ныне...

МАТВЕЙ. Слышь, ты это, не пугай меня, я так заикой стану.

ФЕДЯ. Давай эксперимент: никакого мата десять дней. Кто первый – тот пятихатку отдаёт.

МАТВЕЙ. Высокие ставки.

ФЕДЯ. По рукам?

МАТВЕЙ. Ну, типа, давай.

ФЕДЯ. Ну что, Матвей, какие новости и как твоя учёба?

МАТВЕЙ. Моя-то норм, а вот твоя-то как? Когда же она наступит, брат-бездельник?

ФЕДЯ. Так я уж отучился, брат.

МАТВЕЙ. Не отучился ты, отнюдь. Ведь хореограф – не профессия, ведь хореограф - не професья.

ФЕДЯ. Ну как же не професья, брат, когда я денег как-то заработал ею.

МАТВЕЙ. Вот стану инженером и тогда стабильно буду получать я деньги. А ты же заработал только раз, хватило на бухло и сигареты.

ФЕДЯ. А слава? Как же слава, брат?

МАТВЕЙ. Мне, может, светит слава инженера, я, может, новый мост создам, а ты же засветился раз в газете «Мой район», что раздают старушкам для селёдки в «Дикси».

ФЕДЯ. Ну я ищу себя, ищу, не нахожу. А город давит, давит роскошью музейной, туристов толпы и подумывал уж я возить туристов на кораблике «Касатик».

МАТВЕЙ. «Касатик» - неплохой для бизнеса проект, попробуй, брат, на лодку получи права ты. И будем пить винцо на свежем воздухе с тобою, катать девчонок и ещё девчонок.

ФЕДЯ. Как в этом городе кого-то удивить? «Касатиком», или новым танцем – уж этот город ко всему привык, и новый мост не удивит его нисколько, кстати.

МАТВЕЙ. Так мы с тобою тренируемся зачем?

ФЕДЯ. Зачем? Ну для души, для удовольствия, и чтобы девчонок клеить.

МАТВЕЙ. Ну это да, но и не только ведь. Мы будем знамениты, брат, мы станем чемпионами в триклайне. И все девчонки будут нам давать.

ФЕДЯ. Ну...

МАТВЕЙ. Давать нам телефонов номера. А лучше пусть нам пишут в инстаграммы.

ФЕДЯ. Давай же сделаем тот малый шаг, что станет шагом к нашей славе.

МАТВЕЙ. Тем более, к девчонкам нас приблизит. Может быть.

Продолжают тренироваться. К ним подходит какой-то старик.

СТАРИК. Ну совсем обнаглели, а! Деревья портят! Шарахаются днём, а почему не учитеесь? Почему не работаете? Такие в парадных гадят. Бездельники. На завод идите работайте! Железо таскайте! Потейте!

5.

Аня в розовом трико в тренажёрном зале, он большой и очень железный. Тренажёров так много, и вообще непонятно, с какого начать. Аня идёт на беговую дорожку, одну из тридцати, кое-как включает и ходит по ней. Перед дорожками висят телевизоры, звук выключен, на весь зал орёт «Рамштайн». Анин телевизор настроен на НТВ-спорт, показывают родео – борьбу мужчин и быков. Аня смотрит, как мужчины пытаются удержаться на быках, и думает о том, что мужская цивилизация рулит благодаря двигателю внутреннего сгорания мужчин. Топливом служат мужчины. Они рискуют жизнью и здоровьем, ради того, чтобы на пару секунд дольше продержаться на спине дикого быка. Один блондин надевает джинсы, а сверху наштанники (которые похожи на разрезанную юбку), надевает ковбойскую шляпу, залезает на быка и держится из последних сил, хотя его так плющит и тарачит, что это похоже на роды. Но в результате никто не рождается, он позорно летит на землю, а бык пытается наступить на него и раздавить как таракана. Блондин вскакивает и позорно бежит к заборчику, грязненький и без ковбойской шляпы, и очень видно, как ему страшно, но он старается не показывать, но ему так страшно, что сейчас он вот-вот наложит в штаны. А потом некоторых из них, на кого бык успел-таки наступить, показывают уже в бинтах, как они едут на каталке по больнице и мужественно рассказывают, что их покалечил бык, но лица у них уже храбрые и романтические: типа, я настоящий мужик, я сгорел в двигателе внутреннего сгорания мужчин. Родео – глупая, смешная, но очень нужная вещь, которая, возможно, двигает цивилизацию. Возможно, не в ту сторону. Аня выключает дорожку и встречается с тренером, очень большим человеком. Тренер разглядывает Аню: её розовые трико, распущенные волосы, короткий топ с пуш-апом, сшитый из обычного трикотажа, на котором сразу видно мокрые пятна пота, её накрашенные губы и ресницы, ламерские кеды, как бы призванные вызвать плоскостопие. Тренер хочет видеть кроссовки с амортизацией или штангетки, он хочет видеть высокотехнологичную одежду из мембранной ткани, в которой можно потеть незаметно, он хочет видеть флисовое полотенце в руках Ани и бутылку воды, возможно, с аминокислотами. Но Аня хочет быть женственной. Женственной и спортивной. Она берёт гантели по одному килограмму, а не те по три, что предложил тренер. Она смотрит вокруг, на изъеденные тестостероном железяки, на мужские руки, груди и спины, как будто набитые шарами, от теннисного до волейбольного. Мужские стоны, судороги на скамье, крики и грохот бросаемой штанги, звон блинов и реки пота, острый запах – всё это возбуждает Аню и отвлекает от техники выполняемого упражнения, что, конечно, приближает травму. Аня хочет посылать сигналы этим сильным мужчинам о том, что она восхищается их мужской сутью, но надо делать упражнения и следить за техникой, которая хромает, как у всякого новичка. Тренер недоволен. Он не понимает, как это чертовски трудно быть женственной и спортивной одновременно. В перерыве Аня делает селфи. Нежно улыбается тренеру. Снова делает селфи.

6.

Саша едет за рулём своей машины, которая работает как такси. Саша едет в Пулково. Он всегда выбирает заказы в Пулково, потому что любит самолёты, но любит тайно, как извращенец. Что может быть глупее, чем любить самолёты, но никогда не летать на них? Летать на них Саша боится. Поэтому он просто смотрит, не решаясь потрогать. Когда Аня была подростком, она записалась на шейпинг в клуб, который оборудовали в подвале. Просто большая комната, телевизор, инструктор и женщины всех возрастов на ковриках, махи ногами, махи руками, ягодичный жим. Аня пожаловалась Саше, что окно в этот подвал всё время облепляют какие-то любопытные мужчины и глазают. Саша прошёлся мимо – Аня не врала, действительно, всё окно, а оно было низкое, подвальное, снаружи было забрызгано белой жидкостью, приметой мужского любопытства. И теперь сам себе Саша напоминал такого любопытного: он так любил самолёты и так боялся путешествовать ими. По правде говоря, Саша никогда не покидал область, вообще никогда. Где родился, там и пригодился – эту фразу он повторял несколько раз в день, она стала его любимой, но горькой колёй. Он мог бы поехать в Финляндию на машине, но тоже почему-то не ехал. Почему-то не плыл на пароходе. Много было загадок в жизни Саши. Почему-то он интересовался астрономией одновременно с реставрацией зданий – приятно ехать в Пулково и размышлять о собственных парадоксах.

7.

Квартира Ани. Всюду коробки, в которые Аня складывает нужные вещи, и мешки для ненужных. Александра вяло перебирает какие-то старые бумаги.

АНЯ. Саш, ты какая-то грустная, что случилось?

АЛЕКСАНДРА. Мама говорила: помни, дочка, мы с папой тебя назвали в честь великого поэта Пушкина. Всегда говорила. Это мы в Вагостицах жили тогда. Война. У меня там книжка была про рыбака и рыбку. А мама всё лежала, лежала.

АНЯ. Болела?

АЛЕКСАНДРА. Болела. Болела. Отёки у неё после блокады были. Книжек-то больше не было, так она мне на память читала. «Евгения Онегина» почти всего. И «Сказку о царе Салтане». Так что Пушкин для меня – родной, как дядя или брат.

АНЯ. Да что случилось-то?

АЛЕКСАНДРА. Уволили меня с Мойки-двенадцать.

АНЯ. Как уволили?

АЛЕКСАНДРА. Сокращение штата. Экономят. Ну и уволили меня.

АНЯ. Как так, Саш? Ты ж там уже лет десять работаешь.

АЛЕКСАНДРА. Двадцать.

АНЯ. Двадцать, ничего себе. Как так?

АЛЕКСАНДРА. Не знаю, как. Говорю им: не могу без Пушкина. Режьте меня, не могу. Вот лягу тут и умру вам. Они: давайте-давайте, Александра Сергеевна, ступайте. Хорошего настроения. Вам отдохнуть, вы пожилая. Я говорю: ну какая пожилая? У меня память! «Евгения Онегина» могу наизусть рассказать. Да вам ещё поискать надо таких фанатиков, как я. Бесполезно.

АНЯ. Ну ничего, Саш, ничего. Пушкин с тобой всегда. А они дураки, конечно. Ну теперь зато никуда бежать не надо, спокойно, хорошо, можно на дачу поехать.

АЛЕКСАНДРА. На дачу? Спасибо, ездю сама на свою дачу. Я и так скоро в землю.

АНЯ. Ну а что ты делать-то собралась?

АЛЕКСАНДРА. Новую работу искать.

АНЯ. А хочешь, в Ахматову тебя устрою? У меня ж там у одной клиентки мама директор. Музей Ахматовой в Фонтанном доме, м? Совсем рядом тебе, на Литейном. Пойдёшь?

АЛЕКСАНДРА. Да я как-то не знаю. Ахматова?

АНЯ. Ахматова, Ахматова.

АЛЕКСАНДРА. Не помню наизусть ничего.

АНЯ. Ну вот и выучишь, какие твои годы. Иди поищи, тут у нас томов пять Ахматовой, дарю.

АЛЕКСАНДРА. Совсем не знаю её жизнь.

АНЯ. Вот так погрёшь и не узнаешь. Срочно, срочно узнавай.

АЛЕКСАНДРА. А что это ты Саше дала, он совсем смурной ходит?

АНЯ. Да письма мамины какие-то, нашла коробку. Говорю, пап, возьми. А что такое?

АЛЕКСАНДРА. И не посмотрела, от кого письма?

АНЯ. Нет. Так от папы, наверное, от кого ещё.

АЛЕКСАНДРА. А я посмотрела. Нет, не от Саши. *(достаёт из сумки письмо и подаёт Ане)* Читай.

АНЯ *(читает)*. «Людмиле от Георгия». От какого ещё Георгия? «Дорогая Люся, вчера шёл по Шпалерной и увидел твою спину, ты двигалась плавно, легко, как графит по плотной бумаге, и я любовался тобой издалека. Но я, конечно, хочу тебя раздеть и чтобы ты двигалась только для меня. Люблю тебя. Ты говоришь, что тоже любишь. Так давай создадим новую семью. Ты оставишь мужа, я жену, и заживём вместе. В общем, обсудим в столовой. Твой Жорж».

АЛЕКСАНДРА. Вот Саша и расстроился.

АНЯ. Как так? Что за Жорж?

АЛЕКСАНДРА. Дантес.

АНЯ. Дантес?

АЛЕКСАНДРА. Жорж Дантес. Ну откуда я знаю, какой-то мужчина. Это твоя мама только знала.

АНЯ. Она не рассказывала. Надо же, столько любви. Даже завидно. Наверное, он тоже проектировщик был, как мама, там сравнение с бумагой и карандашом, заметила?

АЛЕКСАНДРА. Ты знаешь, Анечка, мне всё же кажется, надо продать эту квартиру.

АНЯ. Как продать? Зачем продать?

АЛЕКСАНДРА. Я уже сказала Саше и ещё буду говорить: продать. Ничего не будет хорошего на Чёрной речке, сразу говорила. Здесь поэта убили, а вы спокойно живёте себе. Счастья не ждите.

АНЯ. Саш, ну ты чего? Мама с папой тут почти всю жизнь жили, и я тут родилась.

АЛЕКСАНДРА. Вот потому все несчастья. Людмила умерла от онкологии, ты не замужем и несчастлива в личной жизни, Федя не работает – это влияет место, точно, место.

АНЯ. У нас тут парк, всё зелено, супермаркеты, близко к центру.

АЛЕКСАНДРА. Ну-ну, да-да.

АНЯ. Ну мы же не возле обелиска живём, у нас адрес Серебристый бульвар, пятнадцать, его не здесь прямо убили.

АЛЕКСАНДРА. У великого поэта большой радиус. Понимаешь, радиус большой, несколько километров, может быть.

АНЯ. Саш, ну ты, конечно, мистичная женщина у нас.

АЛЕКСАНДРА. Чувствую, что так, Аня. Послушай бабушку. Интуиция развита, чувствую, как на самом деле. Например, когда Люда умерла – почувствовала. Проснулась от изжоги и кольнуло, вот тут.

АНЯ. Так скажи мне, когда Федя на работу устроится, ты же всё чувствуешь.

АЛЕКСАНДРА. С Федей всё в порядке, только следи, чтобы не простывал, а то его имя...

АНЯ. А что с его именем?

АЛЕКСАНДРА. Оно может принести туберкулёз, вспомни Фёдора Михайловича.

АНЯ. Какого Фёдора Михайловича? Достоевского что ли? Так я Федю не в честь него назвала, ты чего.

АЛЕКСАНДРА. Вчера иду в толпе по Кировной и чувствую взгляд. Вот прям кожей чувствую. Кто-то сверлит мне спину. Оглянулась резко – бомж. Смотрит на меня такими пронзительными серыми глазами. Грязный, но одет с достоинством, в пиджак и шарф вязаный. Ну я дальше продолжаю свой путь. Он за мной. Идём. Я впереди, он позади. Дошёл до Фонтанки со мной, потом я в Летний сад пошла прогуляться, а он свернул куда-то в подворотню. Мне кажется, он влюбился в меня, Ань.

АНЯ. Да что ты говоришь такое.

АЛЕКСАНДРА. Да-да, иначе никак не могу объяснить такой интерес. Он тоже пожилой. Я симпатичная. Он мог немножко влюбиться. Сейчас весна, это так естественно для мужчин.

АНЯ. Ты уверена?

АЛЕКСАНДРА. Аня, ты зануда, ей-богу! Наука страсти нежной не для таких зануд.

АНЯ. Мне иногда кажется, что вообще этот город не для таких зануд. Мы такие мелкие сейчас, Саш. Вот ты и твоё поколение – вы соответствуете, а мы уже нет. Посмотри, какая архитектура, какая история грандиозная у города. А мы совсем слабые, сил нет ни на что. И любить друг друга сил нет.

АЛЕКСАНДРА. Ну киса, ну что ты, видишь, меня от Пушкина отлучили, а я не умерла. И у тебя будет всё в порядке, вернётся он к тебе. Поймёт, что ты самая весёлая, самая красивая – и вернётся.

АНЯ. Думаешь?

АЛЕКСАНДРА. Только носи юбочки. Анекдоты читай. Хохочи через силу.

8.

Даня в баре.

ДАНЯ. По сути, Пётр – это символ, понимаешь? Снова хотят его сделать таким вот символом, типа, царь – жёсткий, дерзкий, но сильный, талантливый. Наш город – он про то, как власть взаимодействует с людьми, да. Как она нас всех насилует, грубо говоря. Вот смотри, город построен в честь апостола Петра. И в честь его тезки, Петра первого. Какие памятники помнишь ему? Ну, конечно, да, медный всадник. А про Петра, который строит ботик, и Петра, который спасает утопающих, никто не помнит. Ну, ладно, допустим, кто-то помнит про Петра и ботик – его сломали после революции, но потом поставили году в девяносто шестом, кажется. А спасающего Петра как уничтожили, варвары, так и не восстановили. А вот медного всадника не сломали. То есть, они говорят нам так: власть – это что-то огромное, пафосное, далёкое и высокое, не трогайте грязными руками, бойтесь, смерды. И до сих пор так, именно так. Тот, кто у власти, это не слуга народа, говорят нам, не тот, кто спасает народ и не тот, кто работает. Это кто ручкой в светлую даль указывает, как Ленин. Им-то, нынешней власти, что Ленин, что Пётр, лишь бы важную рожу корчил и в даль ручкой указывал, в неопределённую. А вы тут держитесь, хорошего настроения. Ну мы и сами на такую парадигму согласны, вот ведь что. Вот установили сфинксов Шемякина. Памятник жертвам политических репрессий, напротив Крестов, видел? Ну вот, даже ты не видел. Не популярно. Не популярно, понимаешь? Хотим на приметы силы, здоровья, оптимизма смотреть, хорошее настроение, «Волга-волга», «Свинарка и пастух». Смотрим на все эти здания: барокко, классицизм, ампир, эклектика, модерн, конструктивизм – и видим только форму. Только красоту видим, понимаешь? Только внешнее. А что там внутри? Какие истории внутри? Какие люди жили, как умерли? Как там их в двадцатом веке поистребляли? Про раны – не хотим. А ведь были знаки ещё в восемнадцатом веке: все четыре Петра погибли тут. Ну понял, какие, да? Первый, потом два внука его, Пётр и Пётр, ну и Петр третий, не без помощи жены. Так Пётр покинул историю. И Павла убили. Как там, Павел Филонов говорил? Можно, видя только ствол, ветви, листья и цветы, допустим, яблони, в то же время знать, как берут и поглощают усики корней соки почвы. Понимаешь? Узнать, как оно всё работает. Как эти соки бегут по клеткам древесины вверх, как распределяются, перерабатываются и превращаются в структуру ствола и ветвей, в зелёные листья, в белые с красным цветы, в зелёно-жёлто-розовые яблоки и в грубую кору дерева. Именно это должно интересовать мастера, а не внешность яблони. Именно это, понимаешь? Не как этот дом выглядит, а кто в нём жил, и какой в этом был смысл для всех. Да что ты понимаешь, ты не художник. И даже не архитектор. Давай выпьем. Давай выпьем за музу архитектуры. Её нет, но следовало быть.

9.

Комната Феде похожа на бункер, в ней совсем темно, тёмные стены, задёрнутые окна. Федя смотрит репортаж с футбольного матча, ведущий в зелёной курточке стоит перед стадионом с микрофоном и рассказывает про то, что сейчас состоится матч, и болельщики предвкушают. Болельщики в это время расхаживают с пивом, что-то выкрикивают в камеру, хватают микрофон, хлопают ведущего кепкой по голове, показывают в камеру средние пальцы. Полиция не обращает внимания. Болельщики толкают камеру, обнимают ведущего, целуют его, насильно поят своим пивом, пихают ему свои сигареты, орут в микрофон. Ведущему очень неприятно, но он держится,

улыбается, ведь на него смотрят телезрители и мама. Саша сидит тут же, на кресле, разбирает коробку с фотографиями, какие-то откладывает в сторону.

ФЕДЯ. Не пойду в журналисты.

САША. Дам тебе денег, получи права.

ФЕДЯ. Не хочу права, дед. Не люблю машины.

САША. Какая ерунда. Машина – это другая жизнь.

ФЕДЯ. Меня метро и автобусы устраивают.

САША. Получишь права – сможешь тоже на улице работать.

ФЕДЯ. Не дай бог, дед, не дай бог.

САША. В смысле? Ты что, вообще не хочешь работать?

ФЕДЯ. Я работаю. Триклайном занимаюсь.

САША. Это по канату? И это работа?

ФЕДЯ. Тяжёлая работа. Все силы забирает.

САША. А деньги?

ФЕДЯ. Будут.

САША. Не будут. В милицию заберут. Придумали хулиганство над каналами ходить.

ФЕДЯ. И дальше будем. Над Крюковым прошли, и дальше будем.

САША. Клоуны-канатоходцы. Рисковать ради ерунды. Я всю свою жизнь потратил на то, чтобы спасать таких придурков. Уж сколько спас, мама дорогая. Один решил погулять по проводам. Высоковольтным. Приезжаю – висит, чёрный, обугленный. И живой ещё, вот что странно. Отцепили. Ну в больнице умер, конечно. Вот такие дебилы попадались.

ФЕДЯ. Дед, ты рыцарь добра, дед, Пётр Первый, людей спасаешь. А я не хочу никого спасать.

САША. Я уж тоже не хочу. И тебя не хочу. Поэтому найди-ка себе работу. И матери легче будет, кормить тебя, дармоеда.

ФЕДЯ. Да что же вы давите на меня все! Дайте найти себя!

САША. У нас во дворе трое парней в Афган попали. Чуть старше были меня. Я-то в пятьдесят восьмом родился. Не хотел на войну. Вообще не хотел. Ну что, вуз. Хотел на реставратора в Штиглица. Но пошёл в мед. Чтобы людям пользу приносить, понимаешь? А ты что людям дать готов?

ФЕДЯ. Хочу сказать людям, чтобы они не боялись.

САША. Не боялись? Глупость какая. Надо, надо бояться. Боишься – и выживешь. Не боишься – не выживешь.

ФЕДЯ. Страх много в городе нашем, дед, прямо чувствую. Слишком много страха. В каждом камне.

САША. Федя, ты сходишь с ума. Может, к психиатру?

ФЕДЯ. Вот и ты боишься.

САША. Теперь не боюсь. За людей не боюсь, хрен с ними, хватит, набоялся. Теперь за дома боюсь. Люди что, пыль, органика. А дома разрушаются. Утрачиваются. Не реставрируют, денег жалеют, калечат их люди.

ФЕДЯ. Ты опять на Рубинштейна таскаешься?

САША. Что за «таскаешься»? Как с дедом разговариваешь? Хожу, помогаю своему другу спасать дом.

ФЕДЯ. Лучше б там пил. На Рубинштейна все пьют.

САША. Бесплезное ваше поколение, слабаки. Никого спасти не можете, тем более, дом.

ФЕДЯ. Ну ладно, ладно. Что там опять, расскажи, мне интересно.

САША. Ещё три квартиры купил этот Рыбко, собственник хостела чёртова этого. Жителей-то всё меньше и меньше. Хостел всё растёт. Ну и начали сверлить над Анжелой Иосифовной, над жилыми комнатами ванны делают, а по закону же не имеют право.

ФЕДЯ. Ну так прекрасно, надо жаловаться.

САША. Прекрасно, ага, пишут они во все инспекции, инстанции, да только те не могут войти в квартиру. Не пускают их в хостел. И они, значит, не могут установить факт нарушения. Анжела – Анжела Иосифовна - говорит им: ну посмотрите, они же капитальную стену разбирают, они же кондиционер на фасад. У неё и трещины пошли по стенам, мы засняли вчера фотоаппаратом. А те проникнуть не могу. Коррупция. Рыбко взятки раздал, поди, не поленился. Он на госзаказах работает, с чиновниками. Ну ничего, будем дальше бороться. В газету написали, к депутату ходили.

ФЕДЯ. Ну без хостелов тоже как-то грустно, дед.

САША. Грустно? Грустно, когда дом разрушают. Это как убийство.

ФЕДЯ. Ну вот, если надо спасти дом или человека, ты кого выберешь, дед?

САША. Дом не обманет.

ФЕДЯ. А может, просто Анжелу свою любишь? А, дед, понял, ты просто влюбился! Давай-ка женись, будешь жить на Рубинштейна. После кабака к тебе по пятницам приходить стану.

САША. Замолчи уже, бездельник! Анжела Иосифовна – наш с бабушкой покойный друг, ой, наш с покойной бабушкой друг, старинный. Она вдова! Мы дружим тридцать лет уже.

ФЕДЯ. Ну и что, можно и со вдовой. Тем более, и ты вдовец.

САША. Федя! Всё, шутки в сторону! Устраивайся на работу и кончай со своими канатами!

ФЕДЯ. Дед, а давай выдадим маму замуж за дом, а? Он не предаст. Он благородный. За солидный дом, лучше конца девятнадцатого века. Ну или можно за пацанчика начала двадцатого, как, типа, вы с бабушкой живёте. Доходный дом, короче, архитектура модерна, все дела.

САША. Вот уехал твой отец в Америку и пороть тебя некому, Фёдор. Достоевский был серьёзный писатель, сосредоточенный, а ты – клоун, пустое место.

ФЕДЯ. А при чём тут Достоевский? Да меня не в честь Достоевского назвали, а может, в честь Бондарчука.

САША. Как не стыдно сравнивать!

ФЕДЯ. Как не стыдно сравнивать дома и людей, дед! Да ты сам уже в камень превратился, ты какой-то медный всадник, дед! Тебе людей не жалко, это же ненормально!

Саша собирается уходить.

САША. А те пацаны со двора, что в Афган попали – в гробах приехали, все четверо. Ни одна мечта не сбудется, ни одна. Чёртов мир. Один раз показалось, будет всё хорошо – в девяносто первом. За три дня демократы путч расхерачили. Собак военных не пустил в город. Три дня казалось, что сбудется мечта. Но нет, показалось.

Саша уходит.

10.

Квартира Ани, идёт ремонт, везде разруха.

АЛЕКСАНДРА. Когда архитектору Ивану Петровичу Володихину исполнилось тридцать пять лет, был построен наш дом. Стиль модерн, кажется, я не разбираюсь. Самое прекрасное в этой квартире, конечно, вид из окон: крыши, крыши. Совсем по-другому чувствуешь жизнь, когда смотришь на город сверху, по-птичьи, теряешь человечьи ноги. И мне нравятся наши фантомные лошади, лошади Манежного переулка: манежа здесь давно нет, но когда-то, лет сто пятьдесят назад, был. Сейчас тут платная парковка, весь маленький наш Манежный – парковка. Это спокойно, только с Восстания шум идёт и пьяные по ночам орут. Иногда вдруг мусор ночью приезжают забирать, а звук идёт легко, отражается от камня, и даже до пятого этажа моего долетает сразу. Один мусорщик, например, на жену жалуется, и они вот так, по-светски гремя баками, громко обсуждают – если бы тихо, то неслышно им друг друга было бы. «А она, стерва, она так, вопреки, зараза» - «Ну надо же» - «Да, вопреки, зараза». И дальше матом припечатал. Манежный – это путь от восстания до преображения, заметила? Ну то есть, от улицы Восстания до Спасо-Преображенской церкви. Старинная церковь, пушки турецкие вкопаны в землю. Бродский, когда маленький был, качался на цепях. Он в эссе написал, что это английский пушки, ошибся, они турецкие, там лозунги османские вычеканы: «Гнев аллаха», «Дарю лишь смерть». У нас же в Фонтанном доме комната Бродского, изучаю. Теперь много гуляю. Всё хочу запомнить перед смертью. И я бы, может, качалась на тех цепях, но мы жили тогда рядом с Сенной. Улица Горсткина, которая сейчас Ефимова. Бегала на Фонтанку смотреть. А на углу Гороховой и Фонтанки школа моя стояла, двести сорок один, там теперь худучилище, кажется. Я там в первый класс пошла, тогда девочки отдельно от мальчиков учились. И три года проучилась. Пока мама не умерла. Это мне девять было уже. Опять в деревню отправили.

АНЯ. Какая ты сегодня задумчивая.

АЛЕКСАНДРА. Ну, милая, расскажи, как ты? Вернулся Даня?

АНЯ. Нет. Не звонит, и я не звоню, не хочу унижаться. По твоему совету на свидание решила сходить. Мужчина хороший, официант в модном ресторане. Ну, знаешь, шортики, борода, стрижка дорогая с чёлочкой, зубы белые, улыбается, вся рука в татуировках. Лет пятьдесят ему.

АЛЕКСАНДРА. Пожилой.

АНЯ. Да нет, не пожилой. На велосипеде ездит.

АЛЕКСАНДРА. Старики тоже ездят.

АНЯ. В общем, женат не был, детей нет. Прямо, мальчик.

АЛЕКСАНДРА. Бесплодный, наверное. Никому не нужен.

АНЯ. Шли с ним вдоль Мойки, а я всё замечала: и заборы видела, и бутылки пустые, и запах мочи. Всех встречных видела. Значит, не получилось у нас.

АЛЕКСАНДРА. Ну, может быть, это первое время. Он подарил конфеты?

АНЯ. Первое время, где-то полгода, должен быть безудержный секс. А потом уже конфеты, Саш.

АЛЕКСАНДРА. Наоборот же, нет?

АНЯ. Нет, не наоборот.

АЛЕКСАНДРА. Помнишь, рассказывала про бомжа, который за мной ходил? Он снова вчера шёл за мной. А потом так тихо-тихо зовёт: Аля, Аля. Меня же

так только мама звала. И братья мои, сёстры. Мне так страшно стало. Быстро ушла.

АНЯ. Ну, может, перепутал.

АЛЕКСАНДРА. Мне кажется, это всё от Ахматовой. Я как воздушный шар, который грузят и грузят камнями, и он уже не может взлететь.

АНЯ. Но почему, Саш? Плохой коллектив?

АЛЕКСАНДРА. Коллектив великолепный, Галина Львовна, Анна Дмитриевна, все прекрасные милые женщины. Но экспозиция – просто боль, боль, боль. Ты не представляешь, Анечка, сколько тяжести в её судьбе. Гумилёва чекисты расстреляли, первого мужа. Сына, Льва Гумилёва, по лагерям, три раза забирали. Потом второго её мужа, Пунина, тоже в лагерях сгноили ни за что, человек был искусствоведом. Я её называю не Горенко, а Горенко, от слова «горе». Аня Горенко. Всё-таки неудачное у тебя имя, тяжёлое.

АНЯ. Ну меня же не в честь Ахматовой назвали.

АЛЕКСАНДРА. Какая разница? Всё равно влияет. Надо было назвать Зоя, это «жизнь» по-гречески. Хотя, нет, Космодемьянская же была, не дай бог такую судьбу. Тарелка там – «Общественное питание под огонь рабочей самокритики» - у нас была такая же, когда я маленькая была. Серп, молот, пшеница, Всенарпит. Тогда всё думала, кто такой Всенарпит? Думала, король такой толстый, грозный. Радио. Тарелка большая чёрная, завод имени Калинина, два проводка от центра. И у нас такое было в Ленинграде, когда на Горсткина жили. И голос его помню, диктора. Когда война закончилась, мы все радио слушали и слушали, не верилось.

АНЯ. Ну ты не переживай, Саш. Что было, то было.

АЛЕКСАНДРА. У неё же, у Ахматовой, брат покончил самоубийством, знаешь? Андрей. Сын у них умер единственный, и они с женой договорились вколоть морфий, лошадиную дозу. Вкололи. Эмиграция, они только-только бежали из Одессы в Афины, двадцатый год. Он умер, а её спасли. А она, оказывается, беременная была, и родила здорового ребёночка. И я вдруг вспомнила. Вспомнила, как они умирали все - мои. Мама на стадионе Кировец похоронила четверых. Старшие мои братья и сёстры. Папа носил нам от Нарвских ворот баланду, немцы стреляли, мама старалась молчать. Мы все молчали. Папа на Кировском работал заводе. Всю блокаду там. Потом уже на фронт пошёл, погиб в Эстонии.

АНЯ. Ты не рассказывала про Нарвские.

АЛЕКСАНДРА. Всё забыла.

АНЯ. А как получилось, что ты после смерти мамы оказалась в деревне снова? У вас же тут родственники жили, тёти, дяди.

АЛЕКСАНДРА. Так вышло, детка, не помню. Голова разболелась.

АНЯ. Ну и ладно, Саш, давай чаю попьём, не переживай так.

АЛЕКСАНДРА. Представляешь, даже не помню имён. Один Коля, помню. Алина, красивая, беленькая. А других двоих не помню совсем. Один брат и одна сестра, как их звали?

АНЯ. Ты маленькая была.

АЛЕКСАНДРА. И вот, выжила. И чем всю жизнь занималась? Какой-то ерундой. Юбочками. Мужчинами.

АНЯ. А я? Училась на врача, а сама ботокс ставлю. В этом городе надо чем-то грандиозным заниматься. Но чем? Уровня Хлебникова, сочинять новые слова.

Крылышкуя золотописьмом

Тончайших жил,

Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.

АЛЕКСАНДРА. «А вокруг старый город Питер, что народу бока повитер». Ну что-то мы совсем разнылись. Вызови такси, киса, хочу домой.

АНЯ. Ну подожди, Саш, мы же хотели перебрать вещи.

АЛЕКСАНДРА. Не хочу хлам перебирать. Сдай всё в антикварный, туристов много, разберут. Тоже надо сделать ремонт и всё выкинуть к чёртовой матери. Надоело.

АНЯ. Тут сервизы, фотографии. Папины тетрадки школьные.

АЛЕКСАНДРА. Собачий бред, мура. Поеду на метро. А ты о настоящем думай, о настоящем.

Александра уходит. Аня нехотя складывает старые тетрадки и хлам в мусорные пакеты. Но потом ей надоедает, она включает музыку и берёт из холодильника пирожные. Аня заходит в комнату к Феде.

11.

Федя смотрит футбол, положив на табуретку перед собой перевязанную ногу. Античные боги бегают по полю, забивают голы и смеются. Напряжённые квадрицепсы отправляют мяч по невероятным траекториям, нечеловеческим. Каждые пять минут возле ворот людей возникает опасная ситуация. Опасная ситуация возле ворот богов группирует их непробиваемым щитом, и но пасаран. Люди не могут уязвить ворота богов. И снова мяч под античным контролем, и снова нападение невероятно. Боги наступают людям на ноги, и люди страдают, искажая лица, люди падают, людей уносят доктора. Заходит Аня.

ФЕДЯ. Не пойду в футболисты.

АНЯ. В мерчендайзеры иди.

ФЕДЯ. Хореограф-мерчендайзер, прикольно.

АНЯ. Хватит на шее у матери сидеть, лоб здоровый, иди работай.

ФЕДЯ. Может, самоубийством покончить, раз толку нет? На дом залезть – и пиу.

АНЯ. А, ну давай, конечно.

ФЕДЯ. Серьёзно?

АНЯ. Конечно, давай. Жилплощадь освободишь, я личную жизнь устрою.

ФЕДЯ. Мать, ну ты совсем уже.

АНЯ. Нового сына рожу, ещё могу. Чем такого взрослого бездельника содержать.

ФЕДЯ. Ну окей, услышал тебя.

АНЯ. Как ты думаешь, он любит меня?

ФЕДЯ. Кто? Даня? Как можно любить такую злую женщину?

АНЯ. Ну ты со стороны видишь, как бы, с твоей точки зрения, любит?

ФЕДЯ. Mam, ты иногда забываешь, что я не друг тебе, а сын. Сын, ребёнок, дитя.

АНЯ. Дитя, ну скажи мамочке, скажи.

ФЕДЯ. Ну что, что ты хочешь от меня, женщина!

АНЯ. Может, он сделает большой проект, заработает денег и вернётся?

ФЕДЯ. Может, и так.

АНЯ. Ну просто, действительно, работа много сил отнимает и уже не до всяких глупостей. Не до личной жизни.

ФЕДЯ. Согласен. У меня, например, и денег нет на личную жизнь. Но у Дани не было, конечно, такой проблемы. Наоборот, личная жизнь приносила ему доход. Пойти в жиголо, что ли? Как думаешь, мать?

АНЯ. Почему ты говоришь о нём в прошедшем времени? Ещё ничего не решено, мы просто взяли паузу.

ФЕДЯ. А, ну да, просто пауза. Кто там сейчас его кормит, во время паузы?

АНЯ. Федя, прекрати.

ФЕДЯ. Если пауза затянется, он на крутой тачке будет ездить, вот увидишь. Ты ж ему машину не купила. Но есть же другие добрые женщины в Петербурге.

АНЯ. Федя!

ФЕДЯ. Мать, давай так. Давай помогу. Почему ты вообще решила, что он тебя любит?

АНЯ. Он говорил.

ФЕДЯ. Да? И что говорил? Давай, типа, я – это Даня.

АНЯ (*Дане, которого нет здесь*). Ты у меня такой нордический. Меня это даже разжигает. Ну, твоя сдержанность. Тебя так воспитали, чтобы чувств не проявлял. Мама говорила тебе: мальчики не плачут, мальчики должны быть выше глупостей. Ты стал таким медным всадником. И тебе теперь трудно о чувствах говорить. Ты любишь меня? Я люблю тебя. А ты? Я люблю тебя. Мне мало, мало, мало. Скажи.

ФЕДЯ (*в роли Дани*). Ну, что такое любовь? Трудный вопрос.

АНЯ. Всё время кажется, что ты держишь любовь внутри себя и выдаёшь мне по крошке.

ФЕДЯ. Нет, всё не так. Посмотри правде в глаза. Я мало тебя люблю.

АНЯ. Мало меня любишь? Нет, не верю.

ФЕДЯ. Верь, Аня, верь словам.

АНЯ. Ты подарил мне колечко с черепом, помнишь? Ты был ласковый.

ФЕДЯ. Дешёвая бижутерия. Я же не скотина, ты подарила кроссовки за семь тыщ.

АНЯ. При чём тут деньги? Ты год назад свозил меня в отпуск на море. На свои.

ФЕДЯ. Это было в самом начале. Я тогда ещё работал. Ты мне ещё не надоела.

АНЯ. Нет! Не верю! Даня!

Аня делает шаг навстречу Феде, как будто хочет его обнять, Федя отшатывается.

ФЕДЯ. Мать, это я, Федя, твой сын. Алё!

АНЯ. Ты сопляк! Что ты понимаешь про отношения! Он любит меня! Вали отсюда, бездельник! Достал!

ФЕДЯ. Мать, я ногу растянул на тренировке, помоги мне.

АНЯ. Сам себе помогай, здоровый лоб, всё только ною и к маме на ручки лезем. Всё, давай, гуляй иди, ищи работу!

ФЕДЯ. Мать, у тебя вообще уже крыша едет.

Федя, хромя, уходит.

Комната Ани. Устроившись на диване с айпадом, бутылкой вина и пирожными, Аня принимается рассматривать коллекцию интимных фотографий, присланных многочисленными друзьями по переписке со всего света. Поедая сладкий жир пирожных, Аня думает о том, что один и тот же участок тела, зафиксированный на фотографиях, как будто бы принадлежит одному коллективному мужчине, просто различается свет, при котором производилась съёмка, и на свет можно списать цвет – от светлых оттенков коричневого до совсем чёрного, негроидного. Но главное, что рассматривает Аня, это обстоятельства, другими словами – фон, а иначе – сама жизнь, на переднем плане которой оказалось тело. Чёрный паркет, вытертый, и, наверное, шершавый, занозистый. Белый ковёр, с крошками хлеба, запутавшимися в длинном ворсе. Смятое белое одеяло, на котором образовались красивые тени от жалюзи, которые висят на невидимом на фотографии окне. Штора из качественного плотного хлопка, тяжёлой вертикальной складкой идущая вверх. Белый кафель раковины, на которой стоит мыльница, зубные пасты из Тайланда, бритва и какие-то морские камушки. Обивка дивана, удивительного ультрамаринового цвета, уже наполовину вытертого миллионами прикосновений. Кухонный стол из дешёвого ДВП с ламинацией, на котором одинокий стакан из Икеи, наполовину полный. Мозаика на стене в какой-то подворотне, в которой свет совсем как живой, глаз не оторвать. Бирюзовая вода бассейна, искажающая то, что плавает внутри неё, преломляющая свет солнца произвольно. Бутылка виски «Джек Дэнниэлс», явно не выпитая ещё, судя по бодрому состоянию пениса на первом плане, стеклянно взмывающая выше пачки сигарет «Мальборо». Аня слушает коллекцию романтических трэков, которые друзья по переписке накалили ей за многие месяцы виртуального общения. Смайлы, сердечки, поцелуйчики. Голосовые сообщения на русском и английском, посланные в мессенджеры, басовитые и баритонистые, с бархатными нотками, с вибрациями-обещаниями. Всё это вместо конфет, тем более, конфеты есть вредно. А букеты быстро засыхают. Аня наслаждается красотой настоящего.

13.

Даня в баре с другом.

ДАНЯ. Архитектура – это не только твёрдое, материальное. Архитектура – это настроение, состояние твоё психологическое. Хватит уже коробок бетонных, хватит стен. И колонн тоже хватит с завитушками. Облако, пульсирующее облако – вот что такое должен быть дом. Наше сердцебиение превращается в пространство. Сердцебиение, понимаешь. Наше сердцебиение. Архитектура, которая парит в пространстве как облако. Парит. И меняет форму. Всё время меняет форму. В какое прекрасное технологически прекрасное время мы живём. Дома могут походить на ураганы, воду, крылья, события. Здания как события. Как то, что случается на твоих глазах. Не город должен влиять на нас, а мы на город, понимаешь? Потому что только в этом жизнь. Только в этом. Движение вперёд – это жизнь, а когда ты в прошлом живёшь – это смерть. Прошлое тянет тебя в область мёртвого музея, сухих остатков. Прошлое тянет в иерархию: внизу фундамент, наверху крыша, вперёд выступает капитель. Нет, идея иерархии устарела в нашем мире, он меняется каждую секунду, в нём динамика, и люди живут то тут, то там, глобально. Сизиф, когда катит камень на гору, он

борется с земным притяжением. Архитектура тоже должна с ним бороться, понимаешь? Вообще, каждый человек по сути борется с этим самым притяжением, а если не борется – это предательство жизни, смерть. Только вверх, вверх, вверх. Устремляйся бескомпромиссно.

14.

Федя и Матвей стоят на Аничковом мосту, среди людей, зазывающих всех кататься на корабликах. Мимо двигаются потоки пешеходов и машин, солнечно и громко.

МАТВЕЙ. Тема вот такая, брат, – это Невский.

Широкий, людный, шумный, дерзкий.

Мужчины, женщины - фифти-фифти,

Минус старушки, уродки, материнские тити.

И вот остаются те, кто нам нужен –

Зачётные тёлочки. Эй, ты чё так загружен?

ФЕДЯ. Достали проблемы, брат, всё как-то тухло –

Мать гонит работать, нога опухла.

По верёвке ходит небезопасно,

И даже не вижу теперь, почему это классно.

Девчонки не стали любить, а я старался,

Корячился, падал, заколебался.

МАТВЕЙ. Эй, братан, не нуди, ты чё в самом деле?

Ко мне же писем двадцать прилетели,

После нашего видоса, как мы идём над каналом

Это круто, брат, и это проканалю:

Тёлочки пишут – ну вы крутые,

Давай с тобой встретимся, Матвей, пережитые

Эмоции расскажешь, ну, типа, как это было,

Я смотрела на тебя, и меня заводило.

ФЕДЯ. Это просто любопытство, брат, забей.

Этому городу надо помощней.

Кого ты удивишь верёвкой и каналом?

Петербургу впечатлений всегда мало.

После наводнений и Петра всё как-то пресно,

Мелко, скучно, неуместно.

МАТВЕЙ. Вон смотри, прошла какая,

У меня привстал. И грудь большая.

Может, познакомишься с той в шортах?

С этой в платье? Той в ботфортах?

Блин, короче, сколько баб на Невском,

Ну давай же, догоняй, займёшься сексом.

ФЕДЯ. Мотя, друг, дела такие стоят денег

Ну, кино, музей, кафе – высокий ценник.

Мать теперь совсем рубли зажала,

Хотя и заработала немало.

МАТВЕЙ. Это тухлая отмазка, брат, пойми,

Им нужна любовь, а не рубли,

Хватить тискать яйца потной ручкой –

Ступай и познакомься вон с той сучкой.

ФЕДЯ. Что я предложу ей? Не красавчик,
И к тому же вывихнут суставчик.
Ни квартиры, ни работы, ни машины,
В этом городе получше есть мужчины.

МАТВЕЙ. Ты меня достал своим нытьём.
Окей, пойдём с тобой простым путём –
Сейчас сюда придёт Алиса,
А с ней ещё какая-нибудь киса,
Алиса – это блогерша с ютьюба
Несёт пургу в своих видосах, если грубо,
Она мне написала, мол, давай,
Попьём мы вместе кофе или чай,
Ты офигительно прошёлся по канату,
Я показала ролик даже брату,
И он сказал: вот это круто,
Хорошая заявка для дебюта.
Алиса – очень секси и у ней
Фолловеров три тыщи, будь храбрей
С её подружкой, ведь ты клёвый,
Спортивный, милый и почти здоровый.
И скоро заработаешь бабла
На хату, тачку и вагон бухла.
Хватаем девок и ведём гулять,
Смешить и на кораблицах катать.

Подходит Алиса. Алиса удивительным образом выключает для Феди весь Невский. Он видит её, она, наверное, не самая красивая, но почему-то больше не слышно и не видно никого.

АЛИСА. Привет! Я Алиса.

МАТВЕЙ. Привет! А я Матвей!

АЛИСА. Ты Матвей? (Феде) Думала, мы с **тобой** переписывались.

МАТВЕЙ. Ха! Ну ты чего, как ты могла перепутать, он вообще не занимается аккаунтом нашим.

АЛИСА. Ну вас там двое на аватарке.

МАТВЕЙ. А где подружка твоя? Говорила, захватишь.

АЛИСА. Она не смогла, заболела. (Феде) Что с ногой?

МАТВЕЙ. Да он неуклюжий такой, свалился на тренировке.

ФЕДЯ. Заживёт скоро. Меня Федя зовут.

АЛИСА. Хорошее имя.

МАТВЕЙ. Ну что, пойдём гулять? Федя домой поедет. У него ножка болит.

АЛИСА. Давайте постоим здесь, поболтаем.

МАТВЕЙ. Шумно.

АЛИСА. Нормально. Это же Невский. Федя, ты так двигаешься прикольно, ну, видео смотрела, как ты по верёвке шёл. Как танец.

МАТВЕЙ. Слышала, транс наехал на таджиков? Мол, валите из города, Питер для белых. А сам в платье такой, покрашенный, в парике женском. Ну они сказали, что Питер для нормальных мужиков и в канал его сбросили.

АЛИСА (Феде). Транса жалко.

ФЕДЯ. А не было б каналов – убили. Хорошо, у нас каналы есть. Ненависть надо канализировать.

МАТВЕЙ. Сказал бы, но боюсь пятихатку проспорить.

ФЕДЯ (*Алисе*). Петра Первого коллекционирую портреты, на купюре он.

МАТВЕЙ. Ты сначала их заработай, эти портреты, бл... блин. Алиса, он безработный. На мороженое для девушки у мамы берёт. У меня годовой абонемент в Эрарту, Алис, тот, который плюс один, так что можем с тобой весь год ходить.

АЛИСА. У меня тоже есть годовой в Эрарту. (*Феде*) А у тебя?

МАТВЕЙ. И дядя в БДТ. Тётя в Арктике и Антарктике. Подруга бабушки в пивбаре, как ты к пиву, кстати? Ну всё, Федь, иди домой, у тебя ремонт, помогай маме, а то выгонит из дома.

ФЕДЯ. Ну, пока.

АЛИСА. Пока? Пока.

МАТВЕЙ. Алис, у меня у друга новый катер, надо обкатать.

Матвей и Алиса уходят. Федя пропускает Невский через себя, отсеивая красивых девушек. Их много, очень много. С короткими и длинными ногами, с тонкой талией или тонкой шеей, с толстыми попами и спортивными икрами. Девушки идут легко, как будто слушая какой-то ритм, ритм, под который родился в 1703 году город Петербург, путь их знатно украшен кариатидами. Лошади на Аничковом мосту продолжают двигаться стопкадрово в руках сильного мужчины, и он может совладать с ними. Федя не чувствует в себе этих сил. Но он решает отдаться потоку, вступить в него. Он встречает грудью блондинку в красной куртке, но она снижает скорость лишь на десять секунд и проходит сквозь него, недоумённая. Следующая в чёрном, лет тридцати, ослепительно взрослая, но и её Феде не удаётся сбить с ритма, она продолжает свой путь, не зацепившись за него. Двух следующих Федя пытается остановить уже с проявленным отчаянием на лице, но им не жалко, они отвечают хамски. Федя всё идёт и идёт навстречу потоку, в нелепой попытке выловить кого-то. Но никто не даёт ему номер телефона, никто не делится аккаунтом, и даже на классический вопрос «Вашей маме зять не нужен?», они резко отвечают «Нет». Федя видит девушку, похожую на Алису, она идёт и смеётся, громко и солнечно, и возможно, она будет так же смеяться над его шутками, или так же смеяться, когда он будет щекотать её живот, или когда подует ей в ухо. Федя очень хочет дуть ей в ухо. Поэтому он идёт наперерез и хватает её за плечо, и что-то говорит, говорит ей о том, в каком жестоком городе они живут. Но она из Москвы и её парень бьёт Федю в ухо, а потом ещё и ещё раз. Федя видит мелкие зёрна гранита, близко-близко, холодные, и это даже приятно.

15.

Квартира Александры. Александра делает зарядку, заходит нетрезвый Саша.

САША. Строителя вёз, ну, не работягу, конечно. Из Сибири бежал. Там панельки строил, теперь тут панельки будет строить. Говорю: как тебе наша архитектура? Мне всё равно, говорит, я панельки строю. Меня, говорит, новые микрорайоны интересуют. А чего, говорю, вы, строители, так дорого продаёте свои панельки? И он тут рассказывает: схема такая, что все хотят нажиться на

строителях. Энергетики заставят тебя тащить линии через весь город, или платили сразу много, тогда не через весь. Вода то же самое – плати больше или разрешение не получишь на водоснабжение. Вступить в общество - сэрэо какое-то, полмиллиона плати, и потом по пятьдесят тысяч ежемесячно. Это типа страховка, но на самом деле обдираловка, а миновать нельзя – дом не сдашь. А конторы эти лопаются, то есть, денег берут и убегают. Чиновники взятки вымогают, своих субподрядчиков навязывают. Все нажиться хотят на тебе, даже менты, хватают работяг, плати им, освобождай. Ну и губернатор у них новый появился, так он вообще экстремизм устроил. Снипы узаконил, что два миллиметра стена уходит от уровня – всё, миллионные штрафы к строителям. И в каждом почтовом ящике призывы: мол, вызови обмерщика и получи свои деньги. Губернатор решил всех строителей у них там разорить и свои конторы привести. Так что парень сбежал к нам. Тут пока без экстремизма. Панельки, панельки – смешно, конечно, Петербург в панельках. Панельный Петербург может называться Петербургом?
АЛЕКСАНДРА. Пьяный опять.

Саша достаёт уже початую бутылку коньяка, ставит на стол.

САША. Пассажир забыл, не строитель, другой. Давай выпьем.

АЛЕКСАНДРА. Может, надо было вернуть?

САША. Верну кошелёк, там две тыщи евро. А коньяк мне за честность. Две тыщи евро! Русский, что-то про воспитание молодёжи нудел. А самому и тридцати нет. Чиновник, наверное. Они все такие. Пустую пачку в окно бросил, свинья.

АЛЕКСАНДРА. Ты и вчера пьяный был. Тебя не уволят?

САША. Ну после работы же. Спрашивай, спрашивай, хоть какая-то забота. Как будто моя мать.

АЛЕКСАНДРА. Я и так твоя мать, ты чего, Саш.

САША. А то забываю иногда, что у меня мать есть, и что она должна заботиться. Ты же только веселилась и веселилась всю жизнь. Всегда сам по себе. Никогда не забуду, прихожу с раной, а никого нет дома, мать на примерки свои поехала по всему городу, а у меня кровища, шифер с пацанами взрывали, сам себе скорую вызвал. Где, говорят, твоя мать, мальчик? В лагеря на всё лето засунет – сама тут в городе веселится. Отец по командировкам. А сын – как он, что он? Кого волнует? Как там кормят его? Нет же, с июня по сентябрь, всё в лагерях, как детдомовский. А потом с отцом разошлись, и я вообще сам по себе, один всё время.

АЛЕКСАНДРА. Тебе уже пятнадцать было, взрослый. Обиды, всё какие-то обиды. Вот и Лев Гумилёв обижался на мать, считал, что Анна Андреевна о нём мало хлопотала. А она такие мерзкие стихи написала, чтобы его спасти, она, великий поэт. И эти пропагандистские стихи.

САША. Женщины лживые.

АЛЕКСАНДРА. Знаешь, Саша, по-моему, когда к тебе попали те письма, ты сам не свой стал. Но она тебя любила. Твоя жена тебя любила, верь мне, я видела. Люда всю жизнь была с тобой.

САША. И не только со мной, как выяснилось.

АЛЕКСАНДРА. Наверняка, и у тебя были разные случаи в жизни. Два знаю. Актриса из Акимова, ты был очень увлечён, Людочка страдала. И друга твоего

жена, Коноваловы, что ли фамилия у них, ветеринары. Помнишь? И эта твоя Анжела. Но ведь никто тебя не укоряет, жизнь есть жизнь.

САША. Мама! Ты всегда против меня! И была против меня, и есть! А я твой сын, я, а не Люда! Помнишь, что у тебя сын?

АЛЕКСАНДРА. Всё помню, Саша, всё помню. Как рожала тебя, помню, и как нам котлеты в суп кидали, в роддоме, чтобы лишнюю посуду не мыть, и орали на нас, как на шлюх, и как ты родился, а я боялась тебя уронить, или недокормить. И портнихой-то стала, чтобы тебя в бассейн водить, ты болел и болел, надо было закаливать. Уволилась с Володарки. А там хорошая зарплата была. А потом очереди, очереди, за каждой сосиской.

САША. Вот даже сейчас: я, я, я. А про сына – как про беду, несчастный случай. И про папу ни слова. Ты хоть его любила? Скажи мне, любила?

АЛЕКСАНДРА. Жизнь любила. Мне так хотелось жить – за всех, всех. В сто раз интенсивнее. И дольше, чем все они. Чем братья, сёстры мои. Представляешь, вспомнила имена: Полина и Артурчик. Коля, Алина, Полина и Артурчик маленький. Оказывается, всё помню. Артурчика мама в шаль завернула и отнесла на стадион. Так и похоронила в шали, вместо гроба.

САША. А я?

АЛЕКСАНДРА. Ты жив. Твой папа был хороший человек. Женился на мне, когда я забеременела от одного художника. Он на Мойке-двенадцать жил, художник, бегала к нему на третий этаж. Тогда там жили ещё люди, это потом музей расширили. А твой папа был хороший. Скучный, но хороший. Хоть и не биологический отец тебе.

САША. Что ты такое говоришь, мама?

АЛЕКСАНДРА. Не имеет значения. Вырастил тебя. И квартиру эту ему на работе дали. И оставил нам после развода её. Значит, любил. Зачат ты был в доме Пушкина. Дальше мы на Обводном канале жили, у свёкра и свекрови. А после Обводного здесь. А потом ты уже с Людой на Чёрной речке. Теперь снова здесь. Вот твоя жизнь. У Ахматовой жизнь возле Фонтанки крутилась. Несколько адресов у неё тут было. Это же как-то влияло на поэзию, как думаешь?

САША. Что ты такое говоришь?

АЛЕКСАНДРА. Ты бы выжил и без меня, я же выжила. Мне девять было, когда мама умерла. Это сорок седьмой. И осталась я сиротой. Тётки меня снова на Псковщину в Вагостицы отправили к бабушке и папаше. Это он так просил называть себя, дед. Я, говорит, вам не дед, я вам отец родной, потому как, говорит, ваши отцы на войне погибли. Много нас, внуков, там у них было, в деревне. А я уже всё-всё забыла, что там в войну было у них. Мы же с мамой скрывались два года у бабушки с дедушкой. И вот снова приезжаю. А они мне всё-всё рассказывают зачем-то. Помнишь, Аля, партизаны-то штаб немецкий взорвали? И началось тогда. Немцы на пятьдесят километров всё выжигали, людей резали, расстреливали, отрубали ноги-руки, заставляли местных отрубать, под страхом смерти. Немцы были хорошие, страшные были эсэсовцы. Их все боялись. Форма чёрно-голубая. Шли десять на десять, у всех нож за голенищем, сзади огнемёт, впереди автомат. И к нам в деревню заходят, папаша кричит: бегите, они деревню окружают и нас сожгут. Но они мимо пошли и сожгли соседнюю – Карасуху. Большая деревня была. Согнали всех на гумно, триста двадцать шесть детей и стариков, других не было. Ну и сожгли. И вот я помню запах этот, в сорок седьмом ещё мясом пахло. А курей немцы носили

всегда за ноги, чтобы крыльями махали. Я помню. Несут так, а куры крыльями, крыльями. Оказывается, помню. Думала, забыла всё.

САША. Мама, так кто мой отец?

АЛЕКСАНДРА. А? Отец. Умер твой отец уже. Так, художник. Потому и ты хотел на художника, наверное. Алкоголик, спился.

САША. Когда? В каком году? Почему ты мне раньше не сказала?

АЛЕКСАНДРА. Уж не помню точно. Зачем, сынок? Я постаралась забыть. Пётр был хороший, надёжный человек, нормально относился, тепло. Я выбрала тебе того, кто заботился, что ты требуешь?

САША. Но мама!

АЛЕКСАНДРА. Ты как пацан, ей богу, пожилой человек, а как мальчишка. Вся страна так жила, любить детей времени не было. Не забивали до смерти, кормили – и то спасибо родителям. А я зарабатывала, в очередях стояла, шила тебе штаны, рубашки, ты самый красивый был. Бабушка твоя, Петина мама, Анисья Матвеевна, царствие небесное, в буфете всю жизнь проработала, кусочки таскала, нас кормила. Честная женщина, а что поделат, все так жили, при буфете – значит, таскай, обманывай. Петя гулять тебя водил по выходным иногда. Что надо-то?

САША. Чтобы меня любили.

АЛЕКСАНДРА. А ты сам кого-нибудь любишь? Дочь свою, любишь? А мать?

САША. Я квартиру ей подарил.

АЛЕКСАНДРА. А любишь?

САША. Квартиру подарил! Квартиру подарил! Подарил квартиру!

АЛЕКСАНДРА. Так скажи. Скажи: люблю. Просто скажи. Люблю.

16.

Квартира Ани. Аня и Даня пьют чай. Кругом ремонт, разруха.

АНЯ. Как хорошо, что позвонил. Так ждала.

ДАНЯ. Ну, просто хотел как-то пояснить всё, не сволочь же я.

АНЯ. Да-да, конечно, не сволочь. Ты вообще очень хороший.

ДАНЯ. Ань, ну не надо...

АНЯ. Молчу-молчу.

ДАНЯ. Просто хотел сказать, что ты очень хорошая, и кто-то бы схватился за тебя, ну, двумя руками и не отпускал бы, кто-то нормальный. Ты очень порядочная, ты готовишь супер, заботливая, стараешься, хвалишь.

АНЯ. И в чём подвох?

ДАНЯ. Да нет никакого подвоха, ты хорошая.

АНЯ. Но ты же ушёл. В чём подвох? Я не женственная и не спортивная?

ДАНЯ. Ой, ну какая ерунда, зачем запомнила, я же так, ну, вспылит, забудь, блин.

АНЯ. В спортзал записалась. И теперь только платья ношу.

ДАНЯ. Ань, ну какая разница? Платья, не платья...

АНЯ. А что тогда? Я всё делаю для тебя.

ДАНЯ. Понимаешь, это я такой ненормальный, наверное. Понимаешь? Дело во мне, наверное. Ну, понимаешь, трудно жить, когда о тебе так заботятся. Чувствуешь себя свиньёй.

АНЯ. Даже голоса на тебя не повысила. Только молчала и улыбалась.

ДАНЯ. Да, и мне хотелось ударить тебя за это. Что ты строишь из себя такую милосердную типа.

АНЯ. Но ты же говорил, что твоя бывшая была чудовище, вообще. Ты же говорил. Ты же говорил, она орала, материлась, мозг выносила.

ДАНЯ. Мозг выносила, да. Это был ад, конечно.

АНЯ. Ну вот. И я на своего бывшего орала. Изменяла. А тебе нет. С тобой я решила быть такой взрослой, умной.

ДАНЯ. Да, ты взрослая, умная.

АНЯ. Ты имеешь в виду, старая?

ДАНЯ. Ну вот как ты так делаешь, что я всё время, всё время с тобой чувствую себя мудаком каким-то? Как ты это делаешь?

АНЯ. А на твой день рождения, помнишь? Надула тебе шары, торт испекла. Новое бельё себе купила, чтоб тебе понравилось. А ты уехал с бабой какой-то праздновать.

ДАНЯ. Ну почему сразу...

АНЯ. Только врать не надо.

ДАНЯ. Ну уехал, и что? И вот опять, ты у нас сверкающая добродетель, а я говно.

АНЯ. Данечка, ну что я делаю не так?

ДАНЯ. Ань, ну это невыносимо, пойми. Невыносимо. И работать перестал, а ты меня содержала. И дальше бы содержала. А я себя ненавидеть уже начал просто, понимаешь? Ты всё позволяла делать, всё.

АНЯ. И позволяю. Вернись. Всё будет так, как хочешь. Ремонт делаю, видишь, ты же говорил, что в квартире невозможно жить, что тут хлам, мебель старая. Ну вот, делаю ремонт. Хочешь, сделаю лофт, тебе же нравится лофт? Кирпичные стены, серые шторы, бетон. Хочешь?

ДАНЯ. У тебя крупно-панельный дом, какие кирпичи.

АНЯ. Это ничего, это можно сделать, облицевать кирпичом, я видела на сайте...

ДАНЯ. Аня, это невыносимо! Ну что ты прилипла-то ко мне, а? Зачем? Отпусти уже меня, забудь, забудь, всё, нет меня, и не хочу я с тобой жить, не хочу! Аня, очнись, немножко уважать себя надо, Аня! Ты же не такая была раньше!

АНЯ. А какая? Ну расскажи мне.

(пауза)

ДАНЯ. Сначала я заметил тебя на Восстания, было часов десять, но светло, май, кажется, был или самое начало июня. Я шёл с Петей и с великом, улыбнулся тебе, помнишь? Конечно, не помнишь.

АНЯ. В мае? Не помню. К папе с Сашей, наверное, шла.

ДАНЯ. Ты была такая задумчивая, в джинсах, худи с капюшоном. Но совсем не улыбнулась мне, а мы дорогу переходили, и ты перешла и даже не оглянулась. А я запомнил тебя. Ты так текуче двигалась, как река. Но при этом ты была такая не модерн, нет, ты была конструктивизм, то есть, в тебе углы были, пропорции сильные. А потом уже в том ресторане хипстерском, рядом с Мойкой, когда ты пиво пила с подругами. Через месяц где-то. Тут уж я не пропустил. У тебя была такая осанка. И пальцы. Опять такой конструктивизм крышесносный, с его дугами, движением. Мне же совсем не надо было от тебя борща, Аня. Я бы и сам его готовил.

АНЯ. А что, что тебе надо?

ДАНЯ. Мне надо было... Мне надо было, чтобы мы как трамваи по городу катались, понимаешь?

АНЯ. Трамвай? Не понимаю.

ДАНЯ. Трамвай, он же энергия, сила. И в нём вся архитектура отражается, и небо, и река, оба зеркала: небесное и водное. Понимаешь, что хочу сказать? А внутри пространство в нём. Свободно внутри, дом. А пейзаж меняется. И ветер свистит.

АНЯ. В Петербурге всегда свистит ветер.

ДАНЯ. И есть это ощущение скорости, понимаешь? Движения. Есть это счастье, когда боишься, что не вместишь весь воздух внутри, весь этот серый простор бесконечный. И только узенькие рельсы под тобой, как будто ты летишь.

АНЯ. Ты просто не любишь меня, да, Данечка?

ДАНЯ. Ну Ань, ну как так можно говорить?

АНЯ. Просто не любишь меня, ну скажи, не умру.

ДАНЯ. Ну... не люблю, да. Но ты очень хорошая, правда.

АНЯ. Это ничего, это не страшно.

ДАНЯ. Пойду, Ань. Береги себя.

17.

Кабинет следователя. Следователь, солидный мужчина, вызывающий доверие, заполняет протокол, напротив – Федя, его лицо измазано в крови, на щеке ссадины, одежда грязная.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Имя, фамилия, отчество.

ФЕДЯ. Фёдор Павлович Петров.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Дата рождения.

ФЕДЯ. Тридцатое мая тысяча девятьсот девяносто шестого года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Место рождения.

ФЕДЯ. Санкт-Петербург.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Место жительства и (или) постоянной регистрации.

ФЕДЯ. Санкт-Петербург, Серебристый бульвар, пятнадцать, квартира девятнадцать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Телефон.

ФЕДЯ. Восемь, девятьсот шестьдесят пять, сто три, семнадцать, семнадцать.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*откладывает бумагу*). А давай пока так поговорим. Ну что, зачем доску-то измазал?

ФЕДЯ. Этот деятель, он кровавый. Много смертей на его совести. И я хотел напомнить.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что с ногой?

ФЕДЯ. Растяжение и вывих.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. По носу кто дал?

ФЕДЯ. Неизвестный мне человек.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. А за что?

ФЕДЯ. Ревность.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вон оно что. И ты расстроился, да? Пошёл вандализмом заниматься.

ФЕДЯ. Совсем не так. Пошёл заниматься искусством. Памятью гражданской.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Опа, какие слова мы знаем. Ты идейный, что ли?

ФЕДЯ. Я гражданин. А не просто потребитель.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Слушай, ну это всё херня, конечно, ты пацан молодой, и мне тебя просто жалко, чисто по-человечески. Из-за дурусти портишь себе будущее. Просто так и скажи: был в состоянии аффекта из-за личной драмы, помутился разум, мол.

ФЕДЯ. Никак нет, был кристально ясен мой ум. Этот деятель – он как пол из рассказа про Кентервильское привидение. Уальда любите?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Нет. Писатель что ли?

ФЕДЯ. Ну не футболист, да. Короче, там такой сюжет: на полу всё время появляется пятно крови. Его стирают, а оно опять. Так и тут. Деятель этот кровавый, и кровь вопиет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Что делает?

ФЕДЯ. Вопиет. Или вопиёт, не знаю, как правильно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Короче, сказочник, ты же осознаёшь, что будешь наказан?

ФЕДЯ. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Отца расстроишь.

ФЕДЯ. Он редко звонит. Я с матерью.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну, маму расстроишь.

ФЕДЯ. Её мужик бросил, ей не до меня.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Противоправные действия это, не искусство.

ФЕДЯ. Это возвращение памяти, чтобы помнили. И потом, я своей кровью обмазал, драгоценной своей кровью, а не, допустим, зелёной. То есть, это даже акт любви в чём-то, ну, такой христианской. И скорби. Главное – скорби.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хулиганство это.

ФЕДЯ. Давайте я вам что-то расскажу, и вы меня лучше поймёте. Попробуйте сейчас расслабиться и увидеть. Представить эти художественные образы. Вот смотрите, стоят дома в Ленинграде. И происходит некая ротация людей, как бы дом кровоточит людьми: их увозят по ночам из домов, иногда по одному, но потом часто возвращаются за кем-то ещё, или эти кто-то сами бегут из домов, и даже из города. В их квартиры вселяются другие люди, которые часто пьют, им снятся кошмары, совесть их неспокойна. И струйки все эти, то есть чёрные машины, везут-везут людей в крестообразное здание, массово, и уже некуда, здание трещит по швам, а они всё везут, пихают людей туда как селёдки в бочку, тесно. Крестообразный дом питается людьми. Он пожирает их, жуёт, похрустывая, и аппетит его разгорается, нужно новую пищу, каждый день. Вы не заметили, аллеи в Летнем саду тоже в виде крестов? Это, типа, символ нашего города, рисунок имманентный. Это как прорубь в виде креста, в которую ныряют навсегда. Есть же выражение – канул в Лету. Был человек – и нет человека. А старые дома стоят, и какой-то ток людей идёт и идёт, и тут очень важно, чтобы пятно проступало. Кровь.

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(что-то пишет в протокол)*. Парень. Как там тебя, Федя. Говорю тебе как сыну: иди домой. Иди домой, проспись, раны промой. К доктору потом сходи, пусть снимок сделает, что перелома нет. И сразу жить станет весело. Оптимизма больше. И всё будет хорошо. Подпиши раскаяние.

ФЕДЯ. Пожалуйста, не выгоняйте меня.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Давай-давай, мамка ждёт. Нечего тут.

ФЕДЯ. Не хочу домой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Давай, ты чего, подписывай и катись.

ФЕДЯ. Я люблю тебя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Чего?

ФЕДЯ. Люблю тебя. Ты такой сладкий. Поцелуй меня. Ну, давай. Я люблю тебя.

18.

А в это время в будущем Петербург живёт своей умной жизнью. Летают беспилотные троллейбусы, ездят беспилотные трамваи. Город сам управляет своей жизнью: чтит стариков – Кировский завод и все его раны от бомбёжек, даёт дорогу молодым – строит свежую поросль малоэтажных домов с выходами прямо на улицу. Радость Петербург выражает грибными дождиками и радугой, сильные эмоции – солнцем и грозой. Город понял, что можно прожить без многих людей, ведь человек ограничен в своих физических возможностях, доверить ему управление сложными процессами — неэффективно и рискованно. Киберфизические системы заменили всех чиновников, от этого стало лучше всем, воздух очистился, пропала уродливая реклама, городские показушные концерты, дорогие фейерверки, автомобили. В футбол играют не миллионеры, а дети. И каждый день городское бессознательное отрицает новые памятники и скульптуры, маленькие и не очень, хорошим людям, птицам и котикам. Бывает, памятник стоит всего один день, а к вечеру сам трансформируется во что-то другое, в новый памятник. О жизни памятников снимают сериалы, там и любовь, и приключения, и драма с комедией. Петербург живёт в гармонии с самим собой.

19.

Квартира Александры. Темно, на расправленном диване лежат двое.

САША. Ну чего ты, давай поваляемся.

АНЖЕЛА. Ну неудобно, вдруг твоя мама придёт.

САША. Да не придёт, на работе она, говорю же. Погладь мне спинку.

АНЖЕЛА. Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, едет поезд запоздалый. Тут насыпано зерно. Пришли куры, поклевали, поклевали, поклевали, поклевали. Пришли гуси, пощипали, пощипали, пощипали. Пришёл слон, потоптался, потоптался, потоптался.

САША. Ой, слон с какими острыми локтями!

АНЖЕЛА. Это его копыта. Пришёл дворник, всё подмёл, подмёл, подмёл.

САША. Хорошо как. А теперь поцелуй. *(Анжела целует)* А теперь помурлыкай.

АНЖЕЛА. Мяу, мяу, мяу.

САША. Не женщина, а мечта. Давай поиграем: я атлант, а ты кариатида. Давай, мы встретились.

АНЖЕЛА. Ой, Саш, не смей меня, ха-ха!

САША. Хватит ржать. Я серьёзно. Ну, что несёшь, кариатида?

АНЖЕЛА. Несу небесный свод.

САША. Небесный свод? Серьёзно? А я всего лишь балкон несу.

АНЖЕЛА. Балкон? Ты слабак. Всё мы, женщины, должны брать на плечи.

САША. Так брось, что ты его несёшь.

АНЖЕЛА. Подхватишь?

САША. Да нет, зачем. Просто брось.

АНЖЕЛА. Рухнет.

САША. Небесный свод? Нет, не рухнет, спорим. Вот балкон рухнет, а небо нет. Давай ложись на живот, я тебе нарисую, как всё устроено.

АНЖЕЛА. Ой, а разве у кариатид есть спина?

САША. Конечно, есть, и пора ей сделать массаж, а то всякие тяжести держала. Вот смотри, мы живём в Солнечной системе. Вот это – центральная звезда Солнце, вокруг неё крутятся планеты: Меркурий, Венера, Земля, Марс, потом Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун. А здесь пояс астероидов, а здесь карликовая планета Церера и транснептуновые объекты. А тут квазиспутники и троянцы, кентавры, дамоклоиды, кометы, метеороиды и космическая пыль. И тут пыль, и тут пыль.

АНЖЕЛА. Какая приятная пыль.

САША. Так что, ты, кариатида моя, не бойся. Атмосфера сама по себе, мы сами по себе. Не давит, не падает. Мне с тобой хорошо, давай жить вместе. Мне стыдно было перед Людой, а как письма нашлись те, то как-то отпустило постепенно. Раз мы все такие неидеальные, то слава богу.

АНЖЕЛА. Саша, ты сейчас как атлант говоришь или как Саша?

САША. Можем летом на даче жить. Там хорошо, речка. А потом здесь. У меня своя комната, а мама хорошая, ты же знаешь.

АНЖЕЛА. Мне же так стыдно перед Александрой Сергеевной. Мы же с ней сто лет знакомы.

САША. Стыдно – это держать небесный свод. Не надо его держать.

АНЖЕЛА. А внуки? Что мы скажем внукам?

САША. Я накопил – можем даже в свадебное путешествие поехать.

АНЖЕЛА. В свадебное путешествие? Никогда не ездила в свадебное путешествие.

САША. За границу.

АНЖЕЛА. За границу?

САША. На самолёте. Да, на самолёте. Не зря же на убере корячусь. Бонусы отрезали, так бы ещё больше накопил.

АНЖЕЛА. Как-то всё это неожиданно.

САША. Анжел, ну чё неожиданно-то? Я тебя люблю лет двадцать.

АНЖЕЛА. А говорил, тридцать.

САША. Двадцать, тридцать, в моём возрасте всё не упомнишь. Зубы лечил только у тебя, ты же знаешь. Это преданность. Настоящая, без дураков. Это я делом доказал свою любовь. И вот, последний шаг.

АНЖЕЛА. Квартиру дочке купила, что ещё надо от меня?

САША. Ну конечно.

АНЖЕЛА. Внукам потом моя на Рубинштейна достанется. Когда-нибудь.

САША. Нескоро ещё.

АНЖЕЛА. А покажи ещё звёздную пыль.

САША. А вот тут она, и вот тут, и вот тут. Да что ты извиваешься, как уж.

АНЖЕЛА. Щекотно!

САША. А вот тут ещё облака звёздной пыли, и тут, а вот тут очень-очень нежные маленькие пылинки.

Слышно, как отпирают входную дверь. Саша и Анжела в ужасе вскакивают и одеваются.

Медицинский кабинет Ани. Она строгая, в белом халате и маске, стоит возле пациентки, которая лежит на кушетке под чем-то жёлтым на лице.

АНЯ. Ты только сейчас не разговаривай, Маш, тебе нельзя, препарат разойдётся неравномерно. Лежи. Музыка хочешь послушать? Нет? Ну тогда лежи. Вот ты на мужа своего жаловалась. И ты знаешь, каждая жалуется, каждая моя пациентка, если замужем, то жалуется на мужа. А я для себя решила – хватит. Баста. Сколько можно ерундой голову забивать – все эти мужчины. Они город захватили, реально. Мне уже стало казаться, что весь город наш – одна большая овощебаза. Слышала про Софийскую овощебазу? Обналичивают у арабов и прилетают с кэшем в чемоданах. А тут их наши бандиты ам-ам, деньги все отбирают. Поймали бандитов – менты оказались, спецназовец один. Вот так, да. Убивать стали – какого-то мелкого торговца бывший участковый замочил. Ну то есть, раньше был участковый, а теперь бандит. Из самодельного пистолета, как выяснилось. Насмерть. Его чуть другие торговцы не забили, поймали и били, милиция спасла. И вот устала я от этого мужского мира. Наш город, наш мир в овощебазу превращают, вся эта алчность, криминал, войны. Кто воюет, кто убивает? Мужчины. Вообще, проблем много от них, а толку мало. Надоело. Ремонт делать надоело тоже. Решила эти деньги потратить на путешествие. Так что, извини, дорогая, месяц не будет меня, не принимаю, неделя у тебя, если ещё что уколоть, подколоть. А потом поеду. Совсем другой город хочу посмотреть, надоел Питер, не могу. Кошмары всякие снятся. Тут приснилось, что дома едят людей. Ужас. Нервы лечить надо, конечно. Поеду вообще в другой город. Амстердам.

Им овладело беспокойство.

Охота к перемене мест

(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).

Оставил он свое селенье,

Лесов и нив уединенье,

Где окровавленная тень

Ему являлась каждый день,

И начал странствия без цели...

Вот и я. Просто есть, спать, по сторонам глазеть. Зарок дала себе – никакой любви. Не дай бог. Ни о ком заботиться не хочу, ничего такого. Хватит, назаботилась. Ремонт сын закончит. Он же тут у меня пятнадцать суток под арестом отсидел ни за что – нахамил полицейскому. Мужик вырос. Значит, взрослый. Вот и делает пусть ремонт. А мне надоело всё. Два года никаких мужчин, так решила. Одноклассник мне там покажет город, и достаточно. Дальше – только я и архитектура. (звонок по телефону) Алё, Саш, привет. Да. Могу, а что случилось? По какому поводу? Ну хорошо, буду. Хорошо.

21.

Квартира Александры. Накрыт стол, посреди стола – огромный старый самовар, все в сборе.

АЛЕКСАНДРА. «Это я - твоя старая совесть разыскала сожженную повесть».

АНЯ. Саш, ну расскажи уже, чего ты нас всех собрала?

САША. Ань, а ты зачем телефон на стол громозишь, прольёшь, испортишь, убери.

АНЯ. Пап, ты, я смотрю, не один, ну и я с приятелем, он по скайпу с нами – Петя Ревенко, помнишь его? Мой одноклассник. Он сейчас в Амстердаме живёт. Петя, поздоровайся со всеми.

(раздаётся бульканье из телефона)

ФЕДЯ. Mam, может, послушаем всё же бабушку?

АЛЕКСАНДРА. Давайте сначала поприветствуем друг друга, теперь нас больше, слава богу. Вот, Алисочка с нами, Анжела. Алисочка навещала Федю в тюрьме, как декабристка. Анжела сама расскажет о себе.

АНЖЕЛА. Ну, что тут говорить, вы меня, Александра Сергеевна, сто лет знаете. С Аней и Федей я тоже знакома, Анечку ребёнком помню.

АЛЕКСАНДРА. И я очень рада, Анжела, очень рада, что Саша привёл не кого-то с улицы, а порядочную женщину, нам хорошо известную. Опять же, стоматолога хорошего.

САША. Мама, при чём тут это?

АЛЕКСАНДРА. Это существенно позволит сэкономить. И вообще, много факторов нужно принимать во внимание, много. Старый дом на Рубинштейна, ты его всегда любил, и теперь можешь заняться им, как-то защищать, добиться реставрации. Алисочка, ты у нас кто по профессии?

АЛИСА. Теоретическую физику изучаю в университете. Ну и бьюти-блогер, это моё хобби. Надо же как-то отдыхать.

АНЯ. Федя, вот видишь. Университет, физика.

ФЕДЯ. Мама! Люди все разные.

АНЯ. Молчу-молчу. *(в телефон)* Это у меня рефлекс, но я с ним борюсь. Петя, так я в жизни вообще не зануда, не подумай. Со мной вообще легко. Легко, слышишь? Легко! Легко! Да что такое, скайп зависает.

АЛЕКСАНДРА. К нам должен присоединиться ещё один человек, я попросила его прийти попозже.

САША. Mam, а ты чего этот самовар-то достала? Уже лет тридцать его не видел.

АЛЕКСАНДРА. Не тридцать, а двадцать.

АНЖЕЛА. Он всегда ошибается на десятилетие.

АЛЕКСАНДРА. Мне хотелось какой-то символ. Вот ставят же в городе памятники. А это пусть будет такой наш домашний памятник.

ФЕДЯ. Какой памятник, Саш, давайте просто чаю попьём спокойно, мы хотели потренироваться с Алисой. Алиса триклайном планирует заняться.

АЛЕКСАНДРА. В общем-то, это для тебя всё, Федя. Я хочу, чтобы мы, наконец, все вместе начертили наше семейное древо. Одна не справлюсь. Помогайте. Мне хочется узнать уже что-то о нашей эстонской родне. Часть здесь, часть в Эстонии, ещё где-то, может. Мне хочется знать, кто были родители мамы, мои бабушка и дедушка. И кто были их родители. Что творилось с нашими родственниками в тридцатые. Обо всех погибших. Гулаг, война – всё про них. Наверное, нужно будет обратиться в архивы. Мне кажется, у каждой семьи должен быть свой маленький музей. Анна Андреевна считала, что всё нужно помнить. Она права. Нужно помнить. Мы про дома больше знаем, чем про людей.

АНЯ (*в телефон*). Слышишь, Петь? Бабушка хочет сделать здесь в квартире музей. Мало ей музея на работе. На работе, да. Это я тебе во вторник рассказывала, помнишь? Что она в музеях любит работать. С девяти вечера по нашему времени до часу тебе рассказывала, ты не мог забыть.

САША. Ты хочешь устроить музей здесь?

АЛЕКСАНДРА. Конечно, нет, достаточно хранить его на жёстком диске и немного материальных свидетельств, у меня есть идеи. А здесь хочу сделать ремонт.

САША. Опять ремонт! Что у вас за мода?!

АЛЕКСАНДРА. Сначала обратилась к Дане. Прости, Анечка, но он хороший архитектор, лёгкий. Даня не смог, у него большая работа – он будет строить футбольный стадион.

ФЕДЯ. Вау! Как ему полезно было свалить от матери.

АНЯ (*в телефон*). Петя, расскажу тебе потом, это очень длинная история. Привезу тебе грустных питерских историй в Амстердам, тебе понравится.

АЛЕКСАНДРА. Так что, сделаю ремонт своими силами. Подписалась на блоги. Думаю о стиле шебби-шик.

САША. Mam, у меня дача на повестке дня, если ты на меня намекаешь.

ФЕДЯ. Душно как-то. Мы, наверное, пойдём, Алисе скоро домой на Петроградку.

АЛЕКСАНДРА. Аня, может тебе поехать не в Амстердам, а в Эстонию? Ты могла бы получить там сведения о ком-то из родни. Тем более, мой папа погиб в Эстонии. А я ни разу даже на могиле не была.

АНЯ. Саш, ну как-нибудь потом, хочу в Амстердам, там Петя мне покажет город. Сама же говорила – думай о настоящем. (*в телефон*) Не пугайся, Петь, конечно, еду к тебе. Я, кстати, вкусно готовлю, обалдеешь. И пеку. Вообще, любое желание исполняю.

АНЖЕЛА. Ну мы тоже пойдём уже, да, Саш? Хотели в кино сходить.

САША. Да, конечно, ты меня не жди, мам, я, наверное, у Анжелы останусь ночевать, а утром мы на дачу махнём.

Звонок в дверь. Заходит Илья.

АЛЕКСАНДРА. Задержитесь, пожалуйста. Мне нужно вас представить друг другу. Это Илья Бертович.

САША. А что это Илья Бертович в моём костюме?

АЛЕКСАНДРА. Теперь это его костюм, Саша. Видишь, Илька, это мой сын, похож?

ИЛЬЯ. Похож, Аля, похож. Такое приятное лицо.

АНЯ (*в телефон*). Нет, не дедушка, дедушка умер давно. Не знаю, Петь, сейчас узнаем.

АЛЕКСАНДРА. Ты ешь, ешь, Иля, я же для тебя шарлотку испекла, ты же так любил её, да?

ИЛЬЯ. Аля, какое счастье.

САША. Mam, ну ты, может, объяснишь?

АЛЕКСАНДРА. Илья Бертович будет теперь жить у нас. Больше ему жить негде.

САША. То есть, как негде?

АЛЕКСАНДРА. Илья Бертович бомж. Пять лет на улице, по ночлежкам. Помнишь, Аня, я тебе рассказывала, что за мной по улице ходит какой-то

бомж? Это был Илья. Мы же были такая пара – Илья и Аля, так нас звали в детстве. Мы уже подростками были.

АНЯ. Саш, ты серьёзно?

САША. Мама! Ты меня пугаешь!

АЛЕКСАНДРА. Надо вам всё рассказать... Это тяжело, вспоминать то время. Никогда не вспоминала, не рассказывала. Тяжело.

АНЯ. Ты только не волнуйся, расскажи спокойно.

АЛЕКСАНДРА. Не могу. Давайте, запишу видео и всем вам разошлю. Теперь не могу, устала что-то. Вы идите. Идите все.

АНЯ. Саш, ты уверена?

ФЕДЯ. Бабушка зажигает.

САША. Мы уходим. Звони, мама.

Все, кроме Ильи, уходят. Илья ест, поглядывая на Александру и улыбаясь.

АЛЕКСАНДРА. Устала.

ИЛЬЯ. А данк айх, Аля, очень вкусно.

АЛЕКСАНДРА. Я помню, да, помню. Шейн брудер. Красивый брат. Ента Менделевна так говорила: красивый брат у тебя, Аля. Я говорила: йо.

ИЛЬЯ. Как же так, жили в одном городе столько лет.

АЛЕКСАНДРА. Я видела тебя однажды. Наверное, году в шестьдесят седьмом. Ты шёл с другом, в плаще, шляпе. Я убежала.

ИЛЬЯ. Почему убежала?

АЛЕКСАНДРА. Не хотела помнить. Не знаю, трудно сказать, Илья.

ИЛЬЯ. Все умерли. Бабушка, мама, папа, потом мой сын, один я остался.

АЛЕКСАНДРА. Ты ешь, ешь, Илья. Мне нужно записать им. Сегодня. *(открывает ноутбук и записывает себя на видео)* У мамы моей, Эльмы Яновны Пант, были сестра и брат. Но они почти не поддерживали отношения, очень боялись. Эстонцы все боялись. Да и неэстонцы тоже. Люди просто исчезали из квартир. И даже потом, после тридцать седьмого, все продолжали бояться. Мама умерла в сорок седьмом, меня отправили в деревню. Но в пятидесятом, когда мне было уже двенадцать, бабушка с дедушкой сказали, что надо мне ехать в Ленинград, к тёткам, папиным сёстрам, или найти маминого брата и сестру. Бабушка с дедушкой были папины. И они уже совсем старенькие тогда стали, через два года бабушка умерла, а дед ещё через год, он инвалид был безногий, в финскую оторвало. И вот папин племянник, Лёня, уже лет двадцать пять ему было, повёз меня в Ленинград. Адреса брата маминого и сестры мы не знали, и не нашли, они пропали. Поэтому мы сразу приехали к богатой папиной сестре. Её муж был директор завода, где заколки, броши делали. Но она сказала: возвращайся, откуда приехала, не могу тебя принять. Тогда Лёня повёз меня к другой папиной сестре, бедной. Она в крошечной комнатке жила, четверо детей, муж, больной раком. Она вообще не рада была, говорит, ну посмотрите, куда, где тут она будет жить. Я за папу пенсию получала, но тётку это всё равно не обрадовало. Ну ложись тут, на стульях, говорит. Я плакала. Горько было. Все они смотрели на меня, как на горе. Лёня уехал. Он на Госзнаке работал и жил там же, в общежитии с женой. Сына его я нянчила там, в деревне. Не смогла я у тётки, убежала. Просто вышла на улицу, брела. И вот, сижу в садике Овсянниковской, он между Херсонской, Староросской, Новгородской. Сижу и плачу. Длиннющая коса у меня. Люди идут мимо, у всех дела, с работы возвращаются. Одна женщина остановилась: почему ты плачешь, девочка? А я

так и так. Всем так нужна, кинь да брось. Она сказала: ну как же так, давай пойдём к твоей тётке, я поговорю. Мы пошли. Тётя сказала: ну я не прогоняю её, вот же, дала фуфайку и два стула. Но вы сами видите положение. Муж болеет раком. Я нигде не работаю. Поехали мы тогда к богатой тётке. Но она нас не пустила. Просто не открыла дверь. И вот тогда эта женщина, её звали Ента Менделевна, говорит: поедём к нам. И мы поехали к ним, на Васильевский остров. И я там прожила три года. Это была хорошая семья: Берт Моисеевич и Ента Менделевна. Оба инженеры. Бабушка у них была старенькая, Миля Давыдовна, и Элька, сын единственный. Через неделю Элька сказал мне: их хоб дих либ.

ИЛЬЯ. Я люблю тебя.

АЛЕКСАНДРА. Он был младше на два года. И мы сразу стали с ним дружить. А Ента Менделевна пошла в Смольный, и стала ходить туда и ходить, добиваться мне комнаты. И вот в их квартире освободилась маленькая комната – уехала жилища, и мне разрешили там поселиться. Это бывшая комната для прислуги была до революции, крошечная, рядом с кухней. Раскладушку мне поставили, тумбочку. Ента Менделеевна велела мне ходить в школу вечернюю, я ходила. Бабушку боялась. Она не говорила по-русски, только идиш, а я не всё понимала на идиш, но понимала что-то, немецкий же учила в школе. Бабушка боялась, что Илька на мне женится, она не хотела. А мы очень хотели оба. Мы были такие неразлучные друзья. И он был такой развитый, рано усы стали расти. Не выглядел младше меня.

ИЛЬЯ. Мы договорились, что поженимся.

АЛЕКСАНДРА. Через три года появилась тётка, та, бедная. Муж у неё уже умер, двое детей в армии, а ещё двое маленькие, и с ними надо было сидеть. Вот она меня и забрала к себе, чтобы сидела. Так я потеряла комнату. Ента Менделевна говорила: не надо, не переезжай, да куда там. Потом уж на швею пошла учиться. Дальше вы знаете. Когда за Петю замуж вышла, мне захотелось в их семью влиться, а всех других забыть. И я забыла. Ни Ильку, ни Енту Менделевну не вспоминала, запретила себе вспоминать. Глупо, конечно. Но я же тогда странная была, сирота, почти как детдомовка. Мне хотелось к чему-то крепкому прилепиться, к чужим корням. И вот под конец жизни на тебе.

ИЛЬЯ. Я тебя сразу узнал.

АЛЕКСАНДРА. Илька трудно жил, разводился. Сын был только один, умер от заражения крови. Илька инсульт пережил. Чёрные риэлторы у него квартиру отобрали. И вот на улице оказался. Без документов, без всего. Ты меня узнал, значит, я совсем не изменилась, да?

ИЛЬЯ. Такая же, как тогда, красивая. Самая красивая.

22.

Парк, Федя тренирует Алису ходить по стропе.

ФЕДЯ. Когда сильный ветер – капец. Стропу шатает туда-сюда, на метр. И потом, она провисает метра на полтора, представляешь? А внизу вода холодная, какие-то гоняют корабли туда-сюда, можно задеть. Честно, дрожишь как собачий хвост. Ну, не то, что боишься, а просто тело дрожит, само. Рефлекс какой-то, не знаю. Фокуса нет, реально, блики эти на воде – и всё в расфокусе как бы, не можешь резкость навести. Но потом встаёшь. И просто борешься.

АЛИСА. Со страхом?

ФЕДЯ. С силой притяжения.

АЛИСА. Но ведь страшно?

ФЕДЯ. Думай просто о линии. Вот, попробуй думать о линии, просто о линии.

Она прямая. И ты прямая. Вы как параллельные прямые, ты выше.

АЛИСА. У меня кружится голова.

ФЕДЯ. Иди, просто иди.

АЛИСА. А если упаду?

ФЕДЯ. Встанешь и пойдёшь дальше.

23.

Из интервью архитектора.

ДАНЯ. Я хочу, чтобы мой стадион не имел прямого отношения к реальному миру. Чтобы он стал реальностью вторичной, а значит, идеальной. В ней совершенно на иных принципах, чем в действительности, построены взаимоотношения частей вселенной и более мелких явлений и вещей, которые находятся в кругу притяжения человека. В такой архитектуре господствуют иные способы познания, она становится портом в четвёртое измерение. В моей работе меня вдохновляет супрематизм. Супрематизм является пространством столкновений и событий скорее, чем пространством объектов с определенными размерами. Я хочу, чтобы будущий стадион выражал высвобождающуюся энергию, взрывную силу спорта, антигравитационную жизнь. Кроме творчества Казимира Малевича, меня вдохновляет философия Деррида. Он стал основоположником деконструкции. Деконструкция – это то, что случается, причём в виде потрясения, расшатывания основ, своеобразного землетрясения. Например, Деррида противопоставляет правовые системы и справедливость. Право (закон, правосудие) подлежит деконструкции. Возможность деконструкции права есть условие исторического развития в сфере политического, и сам процесс этой деконструкции стремится к справедливости. Право деконструируется, поскольку оно есть некая конструкция, которая всегда отсылает к чему-то другому. Нормы права провозглашаются универсальными, но реально действуют на ограниченной территории. Деррида ставил вопрос: кто является обладателем прав – человек или гражданин? Закреплённость права за гражданином отсылает к внешним механизмам: городу, государству. Таким образом, человек как таковой оказывается лишённым прав. Справедливость, в отличие от права, невозможно деконструировать, поскольку она не является конструкцией, а относится к уникальному событию, даже к безумию. Справедливость неопределённая, в определённом смысле справедливости не существует. Справедливость не есть идея (эйдос, модель или идеал), а скорее невозможность. Она есть нечто, что дает нам импульс к улучшению закона с помощью деконструкции. Думаете, я говорю о постороннем? Нет, архитектура напрямую имеет отношение к нашим ценностям и к нашей свободе. Архитектура – это и есть свобода.

КОНЕЦ